

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ПРИРОЖДЕННЫЙ ВОИН

Сергей САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Прирожденный воин

«Автор»

2004

Самаров С. В.

Прирожденный воин / С. В. Самаров — «Автор»,
2004 — (Спецназ ГРУ)

Майор Сохно снял бреник, отбросил пистолет. В руке остался только нож. Как и у его соперника – чеченского бандита. Когда-то они воевали в Афгане, были боевыми товарищами. Теперь – смертельные враги. Бандит должен быть уничтожен. Если он ускользнет, произойдет крупнейший теракт. Хитроумная компьютерная операция с участием изощренных хакеров может направить ракету на судно, где проходит ежегодная встреча членов «большой восьмерки» – президентов и премьеров восьми самых развитых стран мира. Но этот теракт может быть предотвращен точным ударом ножа...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	12
1	12
2	19
3	21
4	23
ГЛАВА ВТОРАЯ	26
1	26
2	31
3	35
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	38
1	38
2	42
3	47
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	50
1	50
2	54
3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Самаров

Прирожденный воин

ПРОЛОГ

Виктор Юрьевич Гагарин, обыкновенно называемый друзьями просто Доктор Смерть, специально надел для операции старую куртку: в случае чего – не приведи бог, конечно! – такую и не жалко совсем... В ее кармане зазвенел сотовый телефон.

– Вот-вот... Начинают менты доставать... – мрачно ворчит Доктор и задёргивает повыше, почти до самой бороды, крупную «молнию», чтобы приглушить звук. Но саму трубку из кармана так и не достаёт. – Я знал, что всё равно они до меня доберутся. Третий день прячусь. И ведь добрались-таки... Раньше только в офис звонили. Знать бы, какая свинья этот номер дала... Не иначе, через НЦБ¹ выцепили...

Доктор поднимает к носу, словно пробуя на вес, свой громадный кулачище. И жалеет, должно быть, что не видит этот кулачище тот, кто дал номер ментам. Смотреть на определитель он не хочет принципиально. Вдруг да захочется ответить...

– Может, Табако? – Доктор вытягивает руку из рукава и смотрит на часы. – Нет, ему ещё рано...

На первоначальном этапе подготовки, когда операция даже в общих чертах едва просматривалась, обойтись без помощи отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков местного управления МВД, естественно, было сложно. Но, взяв необходимую для использования информацию, интерполовцы не посвятили любопытных оперов в свои действия. Вопросы им, конечно, несколько раз пытались задать, потому что молчание «московских коллег Лиона²» беспокоило ментов больше, чем данные собственных «стукачей». Но чем ближе казалась развязка, тем реже отвечал им Доктор. А потом и вовсе выпал из их поля зрения, стал недоступным для разговора, как и Табако.

– Ты внагляк ментам дорогу перешёл... – выстукивая пальцами по рулю какую-то мелодию, усмехается Ангел. Алексей Викторович Ангелов, бывший капитан спецназа ГРУ, ныне официальный инвалид второй группы по ранению и вдобавок отставной киллер³, никогда не желает говорить о ментах хорошо. Это для него принципиальный вопрос. – Ты – серьёзный конкурент, обладающий информацией, которой они не обладают... А обладать им хочется, чтобы иметь возможность дело похерить, и...

– Ни хрена им не хочется, – прерывает Доктор помощника. – Из отдела-то, может быть, и помогли бы нам, да им начальство не разрешит. А этим в свою очередь мечтается, чтобы я не вмешивался в спокойную ситуацию. И не портил своей работой их высокие показатели. Потому что, если я выложу им на блюдецке готовое дело, они имеют право ждать вопрос уже своего, более высокого начальства: «А вы куда смотрели!..» А они смотреть не только не хотят, но и не умеют...

– Такая у них система, – с заднего сиденья джипа «Гранд Чероки», смачно позёвывая, лениво подсказывает второй помощник – Дым Дымыч. Дмитрий Дмитриевич Лосев по прозвищу Сохатый расстался со спецназом ГРУ в звании старшего лейтенанта и отправился сразу из Афгана в здание военного трибунала в Ташкенте, откуда путь был только один – на «зону»⁴.

¹ НЦБ – национальное бюро Интерпола в Москве.

² Штаб-квартира Интерпола находится во французском городе Лионе.

³ Герой романов «На войне как на войне» и «Операция „Зомби“».

⁴ События романа «Братство спецназа».

А после «зоны» занимался тем же ремеслом, что и Ангел. И потому поддерживает принцип последнего: о ментах или плохо, или ничего. – Им звёздочки на погоны бросают не за раскрытие, а за отсутствие нераскрытых дел. Это разница большая. А если дело состоялось и раскрыто не ими, то о звёздочках и мечтать не стоит. Дело обошлось без вас, значит, вы ни на что не годитесь...

– Менты не любят преступников исключительно потому, – назидательно, но с улыбкой изрекает Ангел, подняв указательный палец категоричным восклицательным знаком, – что те катастрофически мешают им спокойно жить. Не нам, нашим соседям, любимой престарелой тёще Доктора или просто гипотетическим людям, а им самим. Остальное ментов волнует мало. Я в этом неоднократно убеждался. Они очень не любили меня. Хорошо, что заочно, потому что сам я им ни разу не подставился. Но они и сами не рвались со мной встретиться... Себя берегли...

– Может быть, и не в этом даже дело, – добавляет Дым Дымыч, слегка похрипывая. Простыл, горло прихватило. – Если ты им просто выложишь все данные, они это дело тихонько спустят на тормозах. Нет в области такого серьёзного вопроса, и не портит он им показатели. Просто, как всё гениальное. Позиция страуса, засунувшего голову под крыло.

Джип Ангела устроился на въезде во двор в «спальном» районе города. Рядом не оказалось фонарей, и потому сидят они в машине, как в засаде, почти невидимые. Впрочем, к засадам все трое привыкли давно, ещё в бытность свою в Афгане, где спецназ ГРУ, в котором все они тогда служили, мотался от одной засады до другой с перерывом на заправку или на смену вертолёт. Или хотя бы на смену экипажа, который такой нагрузки не выдерживал.

Мимо них по дороге на высокой скорости проносится, гроыхая включенной на полную громкость музыкой, грязно-зелёная «десятка». В последнее время у не очень умных водителей стало модным ездить по ночам с громкой музыкой, чтобы люди испуганно просыпались, если эти водители вдруг да надумают на красный сигнал светофора остановиться рядом с чьими-то окнами. Хорошо ещё, что нечасто останавливаются...

– Вот этот – как раз клиент для ментов... – сказал Доктор. – Уровень подходящий. С такими они с удовольствием работают. А что-то посерьёзнее и если, не приведи бог, ещё и человек, имеющий возможность приличного адвоката нанять, то менты с пылом-жаром в стороны бегут. Лишь бы не им делом заниматься...

«Мобильник» в кармане Доктора звонит опять.

– Надоели... – говорит Гагарин с угрозой. – Время ночное, спать мешают. А я им не подчинённый какой-нибудь, не сержант...

Он решительно вытаскивает из кармана трубку, бросает взгляд на мониторчик, где высветились цифры определителя, и сразу успокаивается.

– Это Москва. Басаргин... Вместо будильника...

Раскрывает «мобильник», нажимает кнопку с изображением телефонной трубки и басит:

– Я весь внимание, гражданин начальник...

– Доктор! – раздаётся слегка возбуждённый и в то же время чем-то удивлённый голос Александры, жены Басаргина. У неё такая манера речи – все фразы произносить с лёгким удивлением. – Наконец-то хоть до тебя дозвонилась. Ни тебя, ни Тобако разыскать не могу.

– Тобако трубку взять не может. Я его увижу через десять-пятнадцать минут. Передам ему, что ты соскучилась. Он нужен или я?

– Оба, и срочно. У нас тут неприятности.

– Близнецы взорвали офис?

Десятилетние братья-близнецы, сыновья Александра и Александры Басаргиных, в силу своего непоседливого нрава являются постоянной серьёзной угрозой для существования офиса российского антитеррористического подсектора Интерпола в Москве.

– Чуть хуже. У нас сейчас был обыск. Саню арестовали...

– Как?.. Ты что городишь?.. – Доктор даже слегка теряется и оттого рассеянно улыбается, хотя со стороны его улыбка выглядит хищным оскалом. – Кто арестовал?

– Милиция. Нашли дома пакетик с героином. И арестовали.

– Какой пакетик? Откуда он у вас?

– А я знаю?..

– Та-а-ак... – мрачно изрекает Доктор. – Слушай меня внимательно. До утра мы заняты. У нас уже развёрнута операция, и остановить её не можем. Постараемся вылететь утренним рейсом всем составом. Если утром не успеем, вылетаем дневным. Значит, после обеда будем на месте. Ты не волнуйся, всё утрясётся... Меры какие-то принимала? В Лион звонила?

– Звонила. Сказали, Костромин в командировке. Но там только по-французски понимают. Я со своими языковыми способностями не стала объяснять ситуацию...

– Кому ещё сообщила? В ФСБ?

– Пыталась дозвониться полковнику Баранову. Это бывший начальник Саши...

– Помню...

– У Баранова телефон не отвечает. Поздно уже. Домашний номер я не помню. Дежурный мне номер не даёт, поскольку домашние номера офицеров... Сам понимаешь... Больше я никого не знаю. Что делать?

– Не суетиться. Тебе больше ничего делать не надо. Мы приедем и все сделаем.

– побыстрее, Доктор, миленький... Он же там...

– Успокойся. И слушай мою команду. Как старший по званию и по возрасту, кроме того, как отставной остервенелый медик, рекомендую принять сразу четыре таблетки валерианы и лечь спать. Утро вечера – сама знаешь... В офисе тоже был обыск?

– Нет. Только в квартире. Они хотели и туда сунуться. Саня сказал им, что там чей-то офис, и он к этому никакого отношения не имеет. Они не рискнули дверь взламывать.

– Тогда я не очень понимаю... Ладно. Жди нас. Я до утра всё равно ничего не смогу предпринять. И не переживай. Это какая-то провокация, очень обычная по нынешним временам. Это не так страшно, как выстрел... Жди...

– Жду...

– Всё. У меня работа пошла... Извини...

Он убирает трубку и кивает Ангелу:

– Это они! Поехали. По дороге расскажу...

Ангел и сам уже видит машину, на которой днём приезжал Тобако – тёмно-зелёный «Ленд Ровер». Выворачивает на дорогу и пристраивается за ним. Как и было обговорено раньше.

* * *

Такая сложная проверка перед заключением сделки сама по себе уже говорит о работе с серьёзными и чрезвычайно осторожными людьми. Вдвойне осторожными против обычного. Обычно как бывает?.. Договариваются о месте встречи. Одни приезжают с деньгами и с хорошей охраной. Вторые – с товаром и с охраной не меньшей. Если не договорятся, слегка постреляют друг в друга, и, возможно, кто-то останется в живых. Чаще не тот, кто умеет лучше стрелять, а тот, кто умеет быстрее спрятаться. А если менты подсуеются, то накроют и тех и других. Но это только в случае, если сами менты не прикрывают сделку, а это тоже, к счастью, пока случается далеко не всегда. А если это просто ловушка отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, то накроют одних продавцов, потому что место окружают заранее тройным кольцом. Всех запускать и никого не выпускать – стандартный способ работы. Продавцы этого почему-то не любят. И научились проверять. Разными способами. Один из способов – не договариваться заранее о конкретном месте, чтобы избежать вероятной засады.

Сейчас всё обстоит именно так. Никому не известно конкретное место встречи. Ни продавцам, ни покупателям. Продавцы очень осторожны, потому что они только начинают осваивать новый рынок и боятся нарваться на не самых вежливых конкурентов. Подвоха ждут не только от силовых структур. С силовыми структурами в семи случаях из десяти можно торговаться. Конкуренты сразу же обрубают всякую возможность уменьшения собственных заработков. Без жалости...

Уже существующий рынок наркотиков города делят между собой таджики и азеры. Иногда случается, что пускают чечен – просто во избежание конфликта, но чаще используют их как поставщиков. Не постоянных. К постоянным точкам сбыта не допускают. Теперь чечены думают изменить ситуацию. Они вышли на русских «воров», у тех не оказалось нужных свободных денег, но «воры» не выступили против присутствия чечен. «Не против» – это почти поддержка. И чечены пошли на риск. Первая партия должна дать деньги на создание своей сети постоянной реализации. Очень важно – как начнёшь, как себя заявишь. Потому и темнят, перестраховываются.

Более того, продавцы перед встречей попросили заложника, который будет с ними до самого момента продажи. В заложники пошёл Андрей Тобако. Сам пошёл, добровольно, потому что вся операция оказалась завязанной на волонтерах⁵ Доктора, и Доктор должен регулировать операцию. Андрей сейчас там, в машине, что едет впереди. Ждёт звонка от Доктора. На другие звонки он отвечает так, как положено. Простые разговоры. С женщиной, которая ждёт его, и жалуется, что сидит без денег... Со знакомым, который просит поддержки при разборке... Ещё прочая естественная ерунда – обычная игра. Эти звонки были организованы всего несколько раз Доктором. Чтобы не подумали, будто трубка у Тобако новая. А она в самом деле новая. Для этой операции Андрей специально купил новую трубку. Чтобы не позвонил кто-то случайный и не выдал его ненароком. И Тобако, глянув на монитор трубки, ориентируется. Пару часов назад, когда Доктор позвонил со своей трубки, опять ответил. Этот звонок – контрольный. Доктор поинтересовался проверкой наличия и качества товара. Так было оговорено с продавцами – заложник является одновременно контролёром. И была подготовлена сигнальная фраза, на случай, если что-то идёт не так. В этот раз фраза не прозвучала. Значит, осложнений на горизонте нет, и дело может кончиться обыкновенно и банально – в худшем случае только стрельбой, желательно в одну сторону, и последующим захватом продавцов. Потому Доктор и не взял с собой на операцию никого, кроме многократно проверенных специалистов-волонтеров, отставников спецназа ГРУ. На других он так надеяться не мог.

А старую трубку Андрея оставили в рабочем столе местного временного офиса. Офис специально сняли, чтобы создать перед залётными продавцами видимость долговременной работы в городе. Серьёзные люди не могут обходиться без офиса. Потому и не смогла до Тобако добраться Александра.

Джип Ангела заметный. Его увидели. Сбавили скорость.

Ночной город позволяет простреливать взглядом улицы и определять «хвосты». Ангел и днём хорошо умеет это делать. Ночью-то уж совсем свободно работает.

– Доктор, кто желает устроить нам гонки?

В зеркало видно плохо. Доктор смотрит сквозь заднее стекло. Сохатый убирает голову в сторону, чтобы не мешать. Стекло не сильно тонировано, тем не менее удаётся рассмотреть только свет фар.

– «Хвост»?

– «Хвост».

– Что за машина?

⁵ Волонтеры – принятая в Интерполе система внештатных сотрудников, привлекаемых только для участия в конкретных операциях. В простой обстановке зарплату не получают.

– «Хонда» Джип. Белый.

– Интересно...

Доктор достаёт трубку и набирает номер Тобако. Андрей отвечает сразу, словно свою трубку держит около уха постоянно.

– Слушаю тебя. Если обернусь, то и увижу.

– Спроси у своих друзей. За нами машина идёт. «Хонда». Джип. Белый. Их ребята?

Плохо слышатся отдалённые голоса. Тобако спрашивает. И отвечает Доктору:

– Это их машина. Там один человек. Он входит в общее число. Говорят, мы обговаривали только число людей на встрече, но не количество машин. Претензий быть не может. Если есть желание проверить, они готовы позвонить и попросить своего парня остановиться сразу, как остановитесь вы.

– Есть такое желание. Даже обязательно. Там запросто может целая толпа со стволами устроиться. Вы тоже тормозите. Он – пусть метрах в тридцати позади нас встанет.

Доктор умело «рисует» повышенную осторожность. Не верить новым поставщикам – это естественно, а если ты, скажем, под знаком Скорпиона родился, то есть всегда подозрителен, то вообще обязан всё проверять тщательно. Знакомые поставщики знают, что им ещё много раз сюда приезжать, и не попрут, не дурные. А новые – постреляли, деньги забрали и с тем же вопросом в соседнюю область. Временщики, что с них взять... Такое порой встречается...

Передняя машина включает сигнал поворота. Ангел повторяет:

– «Хонда» тоже тормозит.

– Дым Дымыч, проверь, – командует Доктор. – Мы подстрахуем...

Момент для захвата денег подходящий. Предположим, там в самом деле толпа со стволами. Начинают «валить» наповал. И больше встречаться нигде не надо. Столько тонкостей в игре, что уставать начинаешь... Подобных действий трудно ожидать от более торговых азеров или таджиков. А у чечен абреки в почёте больше, чем торгаши. Потому ожидать можно всякого. Да и заработки у них ниже – на войну налог платить надо... Не заплатишь, жалеть себя будешь недолго...

Дым Дымыч выходит. К «Хонде» направляется не спеша. Тоже играет. Изображает из себя «лоха» – руку держит под курткой. Дескать, на оружии. Но Доктор хорошо знает, что оружие Сохатый всегда носит на спине в поясной кобуре. И никогда не будет заранее показывать. Хладнокровия ему на несколько пар таких поставщиков хватит.

Дверца «Хонды» открывается. Разговор длится всего минуту. Дым Дымыч возвращается. Садится на своё место. Зло хлопает дверца машины.

– Не разбивай мне двери... – реплика Ангела.

– Что? – спрашивает Доктор.

– Двое. Подружка с ним.

– Ещё не легче! Вот уж, южная, мать их, кровь...

Он опять набирает номер Тобако.

– Андрюша, несерьёзно получается. В машине двое.

– Как – двое? – Короткий разговор в «Ленд Ровере». – Сейчас позвонят...

Пауза длится около минуты. Наконец, Андрей поясняет:

– Это местная подружка их парня. Она, говорят, не помешает. Из машины выходить не будет.

– Категорично. Пусть высаживает.

– Они говорят – ночь на улице! Холодно... Куда же он её высадит...

– Тогда скажи, я согласен встретиться днём...

Тобако говорит что-то. Слышен только конец фразы: «Он упёртый. Сказал, значит, будет на своём стоять, хоть ствол наставьте...» В машине ещё о чём-то спорят. Через трубку разговор разобрать невозможно. Может быть, звонят в «Хонду». Судя по отдельным словам, говорят на

чеченском, который Тобако начал в последнее время учить с Зурабом. Зураб был бы сейчас кстати, но он в другой командировке. В Чечню поехал по заданию Басаргина.

– Высадил... – сообщил Ангел, который не отрывает взгляд от зеркала на дверце. И не удержался, чтобы не добавить, как истинный бабник: – В самом деле, куда девка пойдёт ночью...

– Эти шалавы, что на залётных чечен виснут, ночью себя чувствуют лучше, чем днём... – Сохатый не слишком высокого мнения о женском поле вообще и о подобных представительницах этого пола – тем более.

Они проявляют человеческие эмоции, но не обсуждают ситуацию, потому что знают, чем сегодняшняя встреча должна завершиться. Подставлять под выстрелы ещё и постороннего человека, пусть даже и шалаву, не годится.

– Едем. Не отставай...

«Ленд Ровер» набирает скорость со злостью. Обиделись. Но Ангел квалифицированный водитель. Он сам говорит, что впервые за руль сел раньше, чем ходить научился. У отца на коленях тогда располагался. И рулил. С тех пор навыки постоянно совершенствует.

– За город, похоже, выскочить хотят...

– Не настолько же они дураки! На любой выездной дороге пост ГИБДД, и через день-два ОМОН с ними дежурит. Нет, просто на окраины. Там где-то есть деревообрабатывающий комбинат. Вокруг промзона. Посторонних в это время нет.

– Это хорошо.

– Может быть. Но мы же очень недоверчивые люди. Поэтому должны и свои условия ставить.

Доктор снова набирает номер Тобако.

– Андрей, скажи, пусть налево поворачивают. И едут вдоль забора воинской части. За железнодорожной веткой есть пустырь. Там просмотр на пятьсот метров в любую сторону. И ни одного дерева, как на Северном полюсе.

Доктор плохо знает этот город. И потому потратил три дня, выискивая места, подходящие для подобного свидания. Чечены обязаны его знать ещё хуже. И потому места должны искать наугад. Но, должно быть, тоже покосились по окраинам, если хотели ехать в сторону деревообрабатывающего комбината. Впрочем, среди них есть, кажется, местный. Вернее, почти местный – несколько лет здесь живёт. Плохо, когда так мало данных на противника!

Указания Доктора выполняются. Грунтовая дорога, прикрытая тонким снежным настом, как стиральная доска, не даёт сильно разогнаться, и все три машины сходятся на более короткой дистанции. Можно было бы проехать дальше, свернуть вправо от забора, переехать через заброшенную железнодорожную ветку и выбрать место для остановки на любой вкус. Но чечены провели свой контрход. Прямо на дороге останавливаются. Под забором. Из машины выходит один, худой и высокий, традиционно не любящий бриться, за ним Тобако.

– Говорить здесь будем, – акцент откровенно абрехский, как и рожа.

– Годится, – соглашается Доктор и показывает на капот «Гранд Чероки», – вот и стол для переговоров. Правда, не очень круглый...

Появляются и остальные чечены из «Ленд Ровера». В руках одного хозяйственная сумка с товаром. Сзади пристраивается уютный джипчик «Хонда». Но останавливается не прямо, а слегка заворачивает в сугроб. Ловко пристраивается, блокируя машину Ангела от возможных маневров. Ещё один чечен занимает позицию за спиной Доктора, шагах в пяти. Тут же покидают машину Ангел с Сохатым. Причём Сохатый демонстративно встаёт с Доктором спиной к спине и начинает откровенно рассматривать заднего чечена.

Тобако шагает вперёд, чтобы присоединиться к Доктору. Работать должны начать, как только он окажется рядом. Андрею остаётся сделать только три маленьких шага, когда главный чечен говорит вдруг без малейшего акцента:

– Сопротивление бесполезно! – И представляется: – Федеральная служба безопасности. Откуда-то сзади слышится шум двигателей. Там подъезжают новые машины. Должно быть, работали по радиомаяку. Но уже после первых слов пистолеты спецназовцев оказываются у них в руках – реагируют раньше, чем смысл слов доходит до сознания. Хорошо, оппонент говорит быстро. Иначе могли бы и выстрелить.

– Тыфу ты, козлы... – говорит Доктор не очень вежливо, но не агрессивно. Он остаётся на месте, не сдвигается, потому что быстрее других успевает сообразить, что настоящие чечены стали бы стрелять, а не предупреждать. – Будем, мать вашу, знакомы! Мы из Интерпола. Три недели на вас потратили... Последователи Петерса⁶... Звоните своему начальнику управления. Он в курсе...

И, не обращая внимания на оружие оперов областного управления ФСБ, поворачивается к Тобако. Опера теряются от такой встречи с коллегами, но оружия тем не менее не убирают. Старший начинает звонить своему дежурному по управлению, не решаясь напрямую обратиться к начальнику. А Доктор сообщает Андрею:

– Звонила Санька. Там большие неприятности. Летим ближайшим рейсом.

– Что-то с Зурабом?

– С Басаргиным...

Старший в бригаде оперов дозванивается, наконец-то, и выясняет ситуацию. Шагает к Доктору.

– Извините... Мы эту операцию больше месяца готовили... А тут вы...

– Нам, как только доложили, пришлось все дела бросить и к вам срываться...

– Кто доложил?

– Это уже не ваши проблемы.

– Где вы так научились по-чеченски болтать? – спросил Тобако, ловко переводя разговор на другую тему. – Да ещё так быстро. Я только отдельные слова понял. Какой-то диалект, что ли? Да и сотрудников подобрали... По внешности – чечены...

– Это не чеченский, – хмуро говорит опер. – Это татарский... И сотрудники...

Доктор тем временем распоряжается:

– Ангел, у нас до самолёта ещё часов пять осталось. Нас подбрасываешь в аэропорт, а сам вместе с Дым Дымычем гонишь прямиком в Москву. За сколько доберётесь?

– Пятнадцать часов, – за Ангела отвечает Дым Дымыч. – Я уже ездил по этой дороге. Пятнадцать... Вдвоём – со сменой – можно быстрее.

– Если есть необходимость, доедем за десять, – говорит Ангел.

– Значит, ближе к обеду ждём вас на месте... Могут понадобиться все силы. Думаю, придётся и Зураба отозвать.

– Так что там случилось?

– Разберёмся. Ничего не знаю. Только подозреваю. У меня перед отъездом был короткий разговор с Басаргиным. В два слова... Если дело обстоит так, как я думаю, придётся покрутиться...

– Если что, – подсказал Ангел, – позвони Пулату. Он может добраться за пару часов. Если трезв... Пора уже подключать его... Лучше звонить как можно раньше, пока магазины не открыли...

– Пожалуй, я попрошу его быть трезвым...

⁶ Петерс – уголовный преступник, грабитель и убийца, отъявленный негодяй, заочно приговорённый в Англии к смертной казни за несколько ограблений и убийств, впоследствии первый заместитель Дзержинского по ВЧК, гениальный мастер по организации провокаций. Им задуманы и проведены такие классические провокационные операции, как «Трест» и «Заговор послов».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Капитан Алексей Ангелов, лучший друг Виталия Пулатова, зовёт его «маленьким капитаном». «Маленький капитан» оказывается трезв и встречает Доктора с Тобако в аэропорту. Терпеливо и скромно стоит чуть в стороне от служебного выхода, дожидаясь, когда интерповцы получают оружие, согласно правилам гражданской авиации, на время полёта сдаваемое экипажу. С добродушной улыбкой протягивает руку. У Виталия, как у всякого симпатичного человека, улыбка всегда хорошая, когда он рад кого-то увидеть. Гагарину с Тобако он откровенно рад. И даже не смущается, что рядом с двухметровым Доктором он со своим ростом в сто шестьдесят семь сантиметров выглядит ребёнком. Это даже странно для тех, кто хорошо Пулата знает, потому что Виталий всегда болезненно воспринимает свой рост. А понятие «болезненно воспринимает» в реальности может осознать только тот, кто на себе испытал способность Виталия к возмущению. В родном городе Электростали все машины вытрезвителя объезжают его по большому кругу и на повышенной скорости, едва завидев. Научены...

Тобако с Доктором прилетели почти без багажа. Только небольшая спортивная сумка у Тобако и неизменный в каждой поездке ноутбук у Доктора – спецаппаратура.

– Проблемы? – пожав руки, интересуется Пулат причиной вызова.

– Вероятно... Точно не могу сказать. Но надо быть готовым. Ангел с Сохатым днём приедут. На новой машине Ангела.

– Он расстался со своим серебряным «Крайслером»? – удивляется Виталий.

– Расстался. Говорит, качество дорог вынудило. Теперь на серебряном «Гранд Чероки» катает.

– Меняются люди... – вздыхает Пулат. – Только я не меняюсь...

– Ты просто этого не замечаешь, – говорит Тобако. – Вот сегодня ты, к примеру, неприлично трезв. Разве это не перемена?

– Успокойся, друг дорогой. Это временное недоразумение. Ко мне бывшая жена с дочерью приехали. – «Маленький капитан» сообщает это довольно мрачно. – Говорят, только на недельку, дела какие-то в Москве... Боюсь, выпью, дров наломаю... Ещё, чего доброго, совсем останутся...

Тобако только усмехается, не желая вдаваться в перипетии жизни Пулата. У него у самого с семейной жизнью большие нелады, и своих проблем слишком много, чтобы ещё и в чужие вникать. Даже при том, что его бывшая жена живёт с бывшей женой Пулата в одном городе – в Уфе. Единственная между ними разница – у Тобако сын с дочерью в Москве учатся, а дочь Пулата в своём городе.

Машина Андрея стоит на платной стоянке в аэропорту. «БМВ» с двигателем, собранным по спецзаказу Интерпола. Поставил здесь, когда улетал, – так обычно делает. Выезжают. С дороги Доктор Смерть звонит Александре. Она оказывается дома. Конечно, в такой ситуации даже художники вправе забыть про свою мастерскую.

– Саня, мы прилетели.

– Слава богу. Сейчас куда?

– Жди, минут через сорок будем у тебя...

Срок в сорок минут Доктор называет не для Александры, а для Тобако, который на это только загадочно улыбается. Проехать через половину Москвы за это время способен только он. И он вдавливая акселератор в пол. Способность форсированного двигателя «взрываться» и резко добавлять скорость – чуть не до реактивной, а потом, на сложных участках, незаметно

переходить на скорость обычную – это всё требует особых навыков в вождении. Тобако эти навыки приобрёл и самостоятельно довёл до совершенства. И, как ни проблематично это казалось вначале даже самому Доктору, они укладываются ровно в сорок минут.

* * *

Мокрый, почти весенний снег в начале зимы создаёт обманчивое мартовское настроение. По крайней мере Пулат долго не отпускает взглядом двух девушек, проходящих через двор, когда машина останавливается на дворовой стоянке и все выходят. Улыбается, глядя на них, собственным мыслям. Но в итоге вздыхает грустно и протяжно, вспомнив, вероятно, кто ждёт его дома.

Александра встречает гостей уже у открытой двери. Должно быть, в окно увидела знакомую машину. Глаза красные. Похоже, ночь не спала, и не обошлась без слёз.

– Близнецы на работе? – спрашивает Тобако, единственный из всех, кто сумел найти с мальчишками общий язык и добиться от них уважительного подчинения. Это произошло после того, как Андрей в подробностях рассказал им про легендарный штурм дворца Амина в Кабуле. Мальчишки, оказывается, уже где-то читали про это и даже видели фотографию молодого Андрея.

– Не хотели идти. Но сегодня уроки серьёзные. Я отправила...

Доктор желает пройти сразу в квартиру, но Александра останавливается у двери офиса.

– Там погром, как после нашествия Аттилы... – кивает на квартирную дверь.

– Это нам и хотелось бы посмотреть, – говорит Тобако и подталкивает к хозяйке Пулата. – Познакомься, кстати, с нашим товарищем. Отставной капитан спецназа ГРУ Виталий Пулатов.

Пока идёт взаимное представление и обмен обычными любезностями, слегка скомканный обстоятельствами, Тобако с Доктором входят в квартиру.

Оба они хорошо знают, что обыски бывают разными. Есть обыски, когда что-то конкретное ищут и знают, что должны найти. В этом случае сами габариты этого «что-то» определяют степень беспорядка. Но в таком случае, если проводящие обыск хоть малейшей культурой обладают, они не уподобляются индуистскому богу Шиве-разрушителю. Хотя сам процесс поиска может заставить кое-что и разрушить. И порой даже помнят, что Шива не только разрушает, но и трансформирует, то есть на основе разрушенного создаёт новое. И пытаются восстановить порядок. Иногда случаются обыски, когда всё остаётся на своём месте – случай, когда знают, что ищут, и знают, где это лежит. А бывают и такими...

Тобако с Доктором проходят по всем комнатам. Александра с Пулатом следуют за ними.

– Ты порядок уже наводила? – спрашивает Доктор.

– Нет. Ни за что ещё не бралась. Только на кухне – слегка... чтобы мальчишек покормить...

– Обратите внимание, – говорит Пулат, – в какой-то момент обыск прекратился резко...

– Я уже обратил, – кивает Тобако. – Саня, как всё закончилось?

– Нашли в кармане куртки пакетик. И на этом закончили...

– Только один пакетик... Больше не искали?

– Больше не искали...

– Грубо сработали... Откровенно...

– А искать начали с какого места? Справа налево или слева направо?

– Без системы...

– Сколько это длилось?

– Минут пятнадцать.

– А потом?

– А потом один из ментов вышел в коридор, стал обшаривать карманы старой куртки. И вытащил оттуда пакетик с белым порошком.

– С белым?

– С белым. Записали в протокол, что нашли пакетик с героином.

– Героин слегка желтоват.

– Мне показалось, совсем белый... Как зубной порошок. Я хорошо рассмотрела.

– Понятым пакетик показывали?

– Показывали.

– Кто понятые?

– Соседи.

– И что дальше?

– Занесли в протокол. Заставили понятых расписаться.

– Понятые выходили с ментом в коридор?

– Нет. Он один выходил.

– Прекрасно. Ещё один прокол... Разберёмся... – Доктор не выглядит слишком мрачным, каким бывает в нормальной спокойной обстановке. Более того, в глазах его даже некоторое довольство светится. – А вообще мне это сильно нравится. Ты больше никуда не звонила? Сегодня...

– Опять пыталась связаться с Лионом. У них ещё ночь. Я с дежурным разговаривала. Сказали, что Костромин будет после обеда. По нашему – это к вечеру...

– А на «мобильник»?

– У меня нет номера.

– Зураб вестей не подавал?

– Пока нет. Насколько я помню, он прилетит или сегодня вечером, или завтра утром.

– Чем Саша в последние дни занимался? – интересуется Тобако.

– Журналы читал. Компьютерные. Подбирал всё, что можно найти про хакеров. Он не говорил, но я журналы видела...

– Что-то новое... – отмечает Доктор. – Раньше он хакерские заботы сваливал на меня. Хлеб желает отбить или новое задание получил?

– С Костроминым связь поддерживал постоянную. Я не в курсе всех ваших дел, потому что своими завалили. Дали иллюстрировать детскую книжку. Сказки. Много цветных рисунков. Эльфы, гномы, гоблины, принцы и принцессы... Я от всего отключилась, а тут это...

– Кто руководил обыском? – интересуется Пулат, имеющий возможность задавать только такие вопросы, поскольку в остальных вопросах он просто не сведущ, не успел ознакомиться с ситуацией.

– Какой-то майор. Он неразборчиво фамилию назвал. Я далеко стояла. Не расслышала. Длинная фамилия. Какая-то шизофреничная...

– Какая? – переспрашивает Пулат, удивлённо поднимая брови.

– Созвучная, что-то с «шизой» связано. Мне так показалось. Но у него дикция отвратительная. Трудно разобрать. Шепелявит... По крайней мере на букву «ш» начинается...

– Откуда он?

– Из нашего отделения...

– То есть, – с заинтересованной насмешкой переспрашивает Тобако, – ты хочешь сказать, обыск проводили не парни из городского отдела незаконного оборота наркотиков, а простые менты из отделения?

– Так они представились.

Доктор Смерть, чуть не сломав кресло, плюхается в него и утробно... не смеётся, а членораздельно произносит: «Ха-ха-ха!»

– Чему ты радуешься? – невесело смотрит на него Александра и непонимающе хмурит брови.

– Мальчики в серых погончиках не знали, надеюсь, куда они влезли? Как Саня себя вёл?

– Саша ничего им не сказал. И меня взглядом предупредил. Я поняла. Назвался временно не работающим. Протокол составляли при мне. Я на это обратила внимание.

– Понятно... – улыбается и Тобако. И переглядывается с Доктором.

– Вам понятно... А я всё равно не пойму, над чем вы смеётесь. – Сердитый тон показывает, что Александра готова возмутиться. – Мне кажется, что Саше сейчас не до смеха.

– Не обижайся... Мы и сами ещё не понимаем, – отвечает Андрей. – Но обязательно разберёмся, и скоро. Хорошо, что менты привычно наглые, и в своей наглости ещё более привычно тупые. Они способны делать гадости простым людям, но против профессионалов они откровенно не тянут. Не привыкли к сопротивлению. Это нам только в помощь. Уже на поверхностный взгляд столько, дураки, ошибок наворотили... Главное, никого на ноги не поднимай, никому не звони.

– Напротив, – не соглашается Доктор Смерть. – Это, пожалуй, будет выглядеть поментовски неестественным. Информация у них тоже поставлена. Они наверняка сегодня же узнают, что Басаргин – бывший офицер ФСБ. Надо обязательно найти полковника Баранова. Андрюша, займись этим. И предупреди, чтобы попытался слегка надавить. Только слегка, не более... А дальше будем ориентироваться по обстановке. Надо с Костроминым связаться. Пошли в офис. Там посмотрим...

* * *

Дверь офиса Тобако открывает своим ключом. Входят.

– Кстати, ключи у Сани где? – интересуется Доктор. – Вся связка... От дверей, от сейфа...

Александра пожимает плечами и слегка задумывается. Этот вопрос самой ей в голову не пришёл, но сейчас, прозвучав из уст Доктора, вызывает беспокойство. Это становится понятно по её сосредоточенному взгляду.

– Надо поискать... Были...

– Обычно – где они были?

– Обычно в кармане куртки.

– Он в куртке уехал?

– Да. Но там ключей... кажется... не было... Да... Ему дали одеться, потом, помнится, обыскали и всё из карманов выложили на стол. Это было при мне. Ключи не доставали.

– Поищи по другим карманам. Мне не нравится, что мент был в коридоре один. Менты-карманники нынче в моде. Оставить мента одного в коридоре – это то же самое, что оставить там пришедшую цыганку. Посмотри, кстати, на вешалке по другим карманам. Ничего не пропало?

Она возвращается в квартиру.

Доктор включает компьютер. Тобако как обладатель второго ключа от сейфа скрипит тяжёлым замком, открывая, и заглядывает в сейф, чтобы просмотреть документы последних дней.

– Пистолет Басаргина здесь.

– И то слава богу... Хотя я и не думаю, что он решился бы перестрелять ментов. Он для этого слишком законопослушный в отличие от нас с Пулатом.

Пулат осматривается внимательно. С ним уже был предварительный разговор об использовании в операциях Интерпола, но разговор этот вёл Ангел, для чего отправлялся к Виталию в Электросталь. И в офисе «маленький капитан» не был ни разу.

– Хоть кто-нибудь – от нечего делать! – может мне объяснить, зачем я понадобился? – спрашивает он, скучно посматривая на окно. – Я пока не вижу для себя задачи... А руки чешутся... И ноги тоже... Может, в магазин сбегать?..

Доктор пожимает необъятными плечами.

– Я тоже мало знаю. Перед отъездом я на ходу беседовал с командиром. Его из Лиона попросили навести справки о каких-то интеллигентных состоятельных чеченцах, официально живущих в Голландии, но в последнее время пропадающих в Москве. Он стал узнавать через сексотов⁷. На кого-то вышел. Его предупредили, что у парней серьёзная ментовская «крыша». Слишком серьёзная, чтобы сексоту с такой крышей связываться...

– Он связался?

– Откуда я знаю... У нас была своя операция. Через подсектор «наркоты»... С нас никто не снял первоначальные задачи и обязанности, и только попросили временно помогать Басаргину.

– Но мы имели возможность убедиться в старой истине: нет ничего более постоянного, чем временное... – изрекает мудрый Тобако.

В дверь входит Александра. Растерянная.

– Я посмотрела везде, где они могут быть. Ключей нет... Всю квартиру перерывать смысла, думаю, тоже нет. Саня их никогда не прятал.

– Другие карманы проверила?

Она снова плечами передёргивает. Словно даже безразлично.

– У меня в дублёнке – хорошо помню! – триста рублей с чем-то было. Сейчас только мелочь...

– Того мента, что пакетик нашёл, в лицо помнишь?

– Даже очень... Могу нарисовать. Молодой, морда дегенерата... Типичный...

– Нарисуй... – просит Тобако. – Хорошо иметь под рукой внештатного художника... Многие проблемы можно решить оперативно...

– Что сейчас будем делать? – спрашивает Александра. – Замки менять?

– Ни в коем случае! Иначе зачем мы здесь вообще нужны... В первую очередь тебе нельзя брать трубку квартирного телефона. Впрочем... – Доктор задумчиво поднял большую ладонь, словно попытался сказанные слова остановить и одновременно призывая Александру к вниманию, как дорожный инспектор привлекает внимание водителей жезлом.

– Впрочем, – заканчивает его мысль Тобако. – Должен быть первый звонок. Её пригласят для допроса... Обязательно пригласят. И нам вместе следует подумать, что следует там говорить.

– А что будут спрашивать? – интересуется Александра так, словно это именно они готовят списки вопросов для ментовских оперов.

– А это мы будем сейчас узнавать... Хотя вопросы у них должны быть стандартными, а сам допрос предельно долгим. Так я думаю...

И Андрей вытаскивает с верхней полки сейфа нетолстую папочку с документами. Если сверху лежит, значит, именно с ней в последний раз работали. Это не порядок, а следствие привычки.

Доктор пододвигает ближе к себе телефон и начинает, как раньше намеревался, звонить на «мобильник» Костромину. «Мобильник» не отвечает. Только вежливый голос по-французски сообщает, что абонент находится вне пределов досягаемости связи или выключил свой телефон. И извиняется за доставленные неудобства.

– Спасибо, – говорит Доктор воспитанному компьютеру, обитающему где-то во Франции, и поворачивается к монитору компьютера в Москве, который уже загрузился.

– Я вам завтрак приготовлю, – предлагает Александра.

⁷ Сексот – секретный сотрудник.

– Я уже завтракал, – с непонятным для хозяйки отвращением отвечает Пулат.

– А я, как ты знаешь, никогда не завтракаю, – добавляет Доктор. – Как никогда не ужинаю...

– А у меня просто нет сегодня аппетита и свободного времени, – завершает общий отказ Тобако и откладывает в сторону папку, что вытащил из сейфа. – Здесь ничего нет... Ерунда какая-то...

Они включаются в работу. Только Пулат не понимает, что делать ему, но терпеливо ждёт своего часа, догадываясь, что просто так офицера спецназа ГРУ приглашать не будут. Пусть и отставного офицера, пусть даже инвалида... Но... Они очень хорошо знают, кого приглашают...

Доктор, оторвавшись от компьютера, даёт инструктаж Александре:

– Возвращайся в квартиру и жди звонка. Пригласят на допрос, соглашайся. Веди себя естественно. Задавай вопросы. С максимумом наивности.

– Забудь на время, чья ты жена, – советует Тобако. – Ты простая женщина, заботливая и испуганная. Не жена офицера, а обычный, отнюдь не воинственный человек. Такой и будь... Такой они с удовольствием поверят. Люди вообще любят верить в то, что слышат, если это совпадает с тем, что они желают услышать...

– Во что они поверят?

– А это мы скоро узнаем. От тебя... Не забудь, кстати, спросить про адвоката...

– Что спросить? – интересуется Александра.

– А ты не знаешь, что спрашивать?

– Не знаю.

– Правильно... Улавливаешь мысль? Вот так же и все остальные не знают... Тем не менее спрашивают. Не зная... И ты должна быть такой же... Это естественно. А не вызовет подозрений только то, что естественно. Надо просто беспокоиться и ничего не знать, как не знают своих прав все нормальные люди...

– Я поняла.

Александра выходит. Доктор, наконец-то, добирается до компьютера, начинает усиленно щёлкать клавишей «мышки».

– Ни себе хрена! – в раздумье говорит вдруг он и в растерянности откидывается на спинку кресла. Спинка издаёт звук, похожий на стон, но Доктор этого не замечает. Под ним любое кресло стонать обязано.

– Что у тебя?

– Понять ничего не могу... Пустая база данных... Так... Ерунда всякая сюда набита... Словно из какого-то прайса... Шифровка – не шифровка... Не пойму... Да ещё ошибка на ошибке... Словно близнецы набирать учились... Данных никаких... Нет программы связи с Интерполом... Нет программы спутникового слежения... Нет программы-анализатора... И вообще ни одной из интерполовских программ. Будто бы это вообще не наш компьютер...

Тобако шагает в сторону и молча открывает вторым ключом внутренний отсек сейфа. И в удивлении делает шаг назад.

– Нет ни одно диска с программным обеспечением...

Оба молчат, поражённые.

– Никак вас обокрали? – позёывая, лениво интересуется Пулат.

– Пора разбираться... – задумчиво произносит Тобако.

– Ага... – Пулат вздыхает и берёт с кресла книгу, чтобы сесть туда. – Разбирайтесь... А я пока читаю... Давно не брал в руки классику. Кто тут у вас Древней Грецией интересуется?

– Древней Грецией? – переспрашивает Доктор не очень внимательно. – Абсолютно все... Поскольку в нашей компании присутствуют исключительно герои, нам положено интересоваться героями Древней Греции, хотя подражать им во многом грешно. Древнегреческие герои, по современным меркам, слишком любили делать людям подлости и этим гордились...

– Красивая лошадка... – Пулат открывает книгу там, где вложена закладка. – Пусть и троянская...

– Троянский конь? – опять переспрашивает Доктор, но уже с большим интересом.

Вместо ответа Пулат разворачивает большую книгу так, чтобы продемонстрировать иллюстрацию.

Доктор встаёт и подходит к двери.

– Александра! – кричит он так, как мог бы крикнуть в одну глотку маршевый батальон.

– Я здесь... – раздаётся голос через коридор. – Иду.

– Кто у вас «Илиаду» штудировал? – спрашивает Доктор, когда Басаргина появляется в дверях. Пальцы испачканы угольным карандашом. Рисовала. – Господин начальник?

– «Илиаду»? – она удивляется не меньше, чем Доктор. – Вообще первый раз эту книгу вижу... Да ему и читать было некогда...

– Нашёл диски... – говорит Тобако, доставая пакет с программным обеспечением Интерпола из нижнего ящика письменного стола, где обычно хранятся простые диски и чистые болванки для записи. – Зачем он их сюда засунул? Это же программы с грифом...

– Вот потому, наверное, и засунул... – задумчиво говорит Доктор. – Потому что с грифом... Предполагал, что сейфом может кто-то поинтересоваться.

– Да, – Тобако соглашается. – Видимо, потому... И потому же все программы стёрты с компьютера...

– Может, вы всё-таки объясните хоть что-то даме, а то она от нетерпения и непонимания может почувствовать себя не совсем уверенно, – предлагает Пулат.

– Троянский конь... – говорит Доктор вместо объяснения.

– Я согласен, что это Троянский конь. – Пулат вежливо кивает, он вообще всегда старается быть вежливым, при любых обстоятельствах. – Но мне это ничего не говорит... Даме, вероятно, тоже...

– Кибертroyанский конь... – Доктор добавляет так, словно это всё объясняет.

Поясняет Тобако:

– Троянскими конями, или кибертroyанскими, зовут компьютерные программы-вирусы, которые забираются в компьютер и позволяют скачивать с него через сеть всю необходимую информацию...

2

Самолёт приземляется так быстро и при этом заходит на посадку с такого угла, что Миша Каховский не успевает, как рассчитывал, рассмотреть город в иллюминатор. Но он не сильно расстраивается. За ту неделю, что он собирается гостить в Лондоне, он успеет ещё познакомиться с ним. И даже есть кому показать российскому гостю достопримечательности, потому что прилетел он сюда по настоящему приглашению...

Стюардесса по внутреннему радиовещанию начинает что-то рассказывать про Лондон и про аэропорт «Хитроу», но Миша понимает речь стюардессы с трудом. Он изучал английский со старанием и даже с помощью репетитора, но не настоящий язык, а американский диалект, мечтая, как многие из подающих надежды программистов, когда-нибудь перебраться работать в Силиконовую долину⁸, где можно проявить себя наиболее ярко и зарабатывать в соответствии с квалификацией, чего в России ожидать практически невозможно. И считал, что владеет английским неплохо. Но, впервые попав за границу, убедился, как трудно ему воспринимать на слух чистую английскую речь.

Ждать багажа необходимости не возникло, поскольку Миша имеет при себе только ручную кладь. О том, как работники аэропорта «Хитроу» постоянно воруют, что им приглянется в багаже пассажиров, знают, наверное, во всём мире. Поэтому никто не оставляет в багаже ценные вещи. Миша не решился сдать в багаж даже ноутбук. В здании терминала, приближаясь вместе с другими пассажирами к столу таможенника, он видит в толпе встречающих человека восточной внешности с маленьким бумажным плакатом: «Майкл Каховски». Утром, во время телефонного разговора, когда Миша перед вылетом позвонил из «Домодедово», Лейла предупредила, что сама не сможет его встретить, но в «Хитроу» приедет её брат. Значит, это и есть брат, которого зовут Патрик... Лейла англичанка по матери и пакистанка по отцу. Брат, естественно, тоже.

Миша взял с собой только минимум необходимой одежды и московские сувениры для Лейлы – подруги по переписке через Интернет, которая его и пригласила в гости. Сувениры везёт каждый россиянин, и таможенники давно к таким вещам привыкли. Единственное, что интересует толстого веснушчатого англичанина, – ноутбук. Он даже зачем-то заставляет молодого человека загрузить компьютер и проверяет перечень программ. Но возражений не высказывает и ставит в документы свой штамп.

Миша выходит через таможенный лабиринт и сразу встречается взглядом с молодым человеком, держащим плакат.

– Патрик? – спрашивает он.

Патрик улыбается и протягивает руку.

– Я вас сразу узнал по фотографии... – говорит он на довольно приличном русском.

Лейла писала, что Патрик изучает русскую филологию в Оксфорде.

– Пойдёмте к машине.

Они выходят за стеклянные двери. Миша осматривается.

– А где вереск? – спрашивает.

– Вереск? – Патрик не понимает.

– Ну да... «Хитроу»... Вересковый ряд... – переводит он традиционное название аэропорта.

Патрик не сразу понимает, но когда понимает, смеётся.

– Весь вереск давно укатали под взлётную полосу...

⁸ Силиконовая долина – местечко в США, где сконцентрированы центры и фирмы компьютерного программирования.

Должно быть, в Оксфорде русскому языку учат отменно... Слово «укатали» иностранцу трудно просто понять, не то что употребить правильно. Когда же в российских университетах начнут так же хорошо преподавать английский?..

3

Для Георгия Проханова поездка в Лондон казалась промежуточным моментом в быстрой карьере и одновременно возможностью осуществить свою мечту. Участие в небольшой однодневной конференции по проблеме борьбы с компьютерными вирусами, где ему регламентом определено двадцатиминутное выступление на тему перспективы антивирусных комплексов защиты в системе авиационной диспетчерской службы. И вечером того же дня поездка через туннель под Ла-Маншем. Дорога на Париж... Нынешняя поездка пока просто ознакомительная – на собеседование, где предстоит выложить концепцию своего видения вопроса. Недавно Георгию предложили возглавить антивирусную лабораторию в компьютерной службе аэропорта «Орли». Он, конечно, знает, что на это место претендует, кроме него, четыре человека. Но в своей системе Проханов уверен и предполагает, что его доклад будет выглядеть не бледно в сравнении с другими. Он разрабатывал систему в Москве в течение полугода в составе целой бригады программистов, которую и возглавлял. Но финансирование проекта неожиданно прекратилось. Бригада распалась, ребята разбежались кто куда, а незаконченные результаты их труда остались в руках Георгия. Он сумел в одиночку завершить главное. Остальное можно доработать в Париже с командой французских программистов. Главное – в предложении Георгия содержалась не одна программа, а целый комплекс программ нового поколения, отличительной чертой которых было самообучение. То есть эти программы умели прогнозировать дальнейшие шаги любого постороннего файла, попавшего случайно в компьютер, и сами не просто подбирали способы блокировки и в случае надобности уничтожения файла-пришельца, но и создавали наиболее выгодные направления своей работы. Особенность, отличающая разработку Проханова, заключалась в том, что он в отличие от всех без исключения антивирусных программ не предлагал бороться с «exe»-файлами, что приводит часто к неоправданному уничтожению ни в чём не повинных систем и к долговременному сбою в работе диспетчерских служб. Георгий исходил из того, что любой вирус для продуктивной деятельности, попав в компьютер, в первую очередь интересуется библиотеками, то есть dll-файлами. Вот систематизацию всех библиотек программного обеспечения и «запирание» их в жёсткие рамки ограниченного доступа Проханов и принял за основу. Дальше программы брали любопытный файл под контроль, изучали его и только после этого принимали самостоятельное судебное решение. То есть при включении в действие системы программ, предлагаемых Георгием, вирус, попав в компьютер, мог оставаться безвредным до того времени, пока его достаточно хорошо не изучат и, более того, не найдут человека, вирус заслывшего.

Вся система программ находится у Георгия в кармане пиджака в коробке с двумя компакт-дисками. И если он везёт с собой ноутбук, то там этих программ нет. И любопытные конкуренты не смогут добиться результата, заглянув в его компьютер. Но заглянуть в компьютер хочет для чего-то таможенник в аэропорту. Более того, он просит загрузить его и проверяет перечень программного обеспечения. Георгий понимает, что это просто выполнение каких-то инструкций, потому что сам таможенник не может программы компьютера даже просмотреть. Должно быть, он умеет работать в среде Windows, но совершенно не знает, как подступиться к оперативной системе OS-2. Проханов сам показывает таможеннику, какие программы у него на ноутбуке установлены.

Выйдя из зоны таможенного контроля, Георгий видит в группе встречающих молодого человека восточной внешности с плакатом: «Георгий Проханов» – и сразу подходит к нему. Человек уверенно шагает навстречу. Георгий высылал через электронную почту свою фотографию для документов на участие в конференции, и его, должно быть, узнали.

– Мистер Проханов? – спрашивает встречающий на приличном русском языке.

– Да. Прибыл...

– Меня зовут Патрик Мунашаф. Мне поручено встретить вас и проводить... До начала конференции у нас ещё четыре часа. Я покажу вам город, потом мы позавтракаем у меня дома, если вас это устроит. Это будет гораздо дешевле завтрака в ресторане.

– Устроит. Вполне... – легко соглашается Георгий. – Где вы изучали русский язык?

– В Оксфорде. Я студент, подрабатываю переводчиком. Но я некоторое время жил в России. Работал в ваших библиотеках.

Они выходят за стеклянные двери терминала. С крыльца Проханов осматривается.

– А где же здесь вереск?

– Весь вереск давно укатали под взлётную полосу...

Георгий тоже не обращает внимания на речевые тонкости в лексиконе Патрика... Впрочем, он всегда невнимателен к чужим словам, потому что загружает голову другими проблемами и этим гордится...

4

Лёня Борман с детства страдал от своей фамилии, так же, как когда-то страдал его дед, отправленный только за фамилию на долгих двенадцать лет на прииск Ягодное в Колымском крае. Ещё в младших классах школы за Лёней прочно установилась кличка Гестаповец. Став постарше, он несколько раз пытался доказать сверстникам, что Мартин Борман никакого отношения к гестапо не имел, хотя и был идеологом гонений на евреев. Но это никого не смущало. Дети – существа самые жестокие. Не научившись ещё прощать, любят обижать, считая, что от этого сами становятся взрослее и сильнее. Лёню всегда обижали. И потому он рос без друзей, углублённый только в себя и в мир собственных дум и ощущений. Так было и в школе, так было и в институте. Одиночество всегда порождает странности в характере – это доказано психологами. Лёня всем и всегда казался странным. Родители не понимали причин нелюдимости сына, поскольку он никогда не жаловался на полученные обиды, и считали, что Лёня ведёт себя как личность незаурядная, наделённая особыми способностями. Он, в свою очередь, в душе мечтал когда-нибудь доказать, что он выше и умнее тех, кто его обижал. И потому всегда старательно учился, предпочитая книги и учебники играм с другими мальчишками. А потом ему и вовсе стало не до игр. В доме появилось чудо, поглотившее Лёню полностью, – компьютер. В четырнадцать лет он уже самостоятельно научился программировать и даже помогал отцу, владельцу маленькой строительной фирмы, создавал для него эксклюзивные программы учёта и управления. В университете Лёня принимал участие в каждом конкурсе, и неизменно его программы оказывались лучшими.

А потом он встретил на областной «компьютерной олимпиаде» своего одноклассника Вовку. Даже фамилию не вспомнил, потому что старался не забивать голову ненужными вещами... Просто Вовка, и всё... Поговорили мельком. Лёня не любил воспоминаний о школе, хотя после её окончания прошло целых два года. Вовка неосторожно оставил ему свой электронный адрес. Борман свой адрес не дал. Вовка тоже всегда был в числе его обидчиков... А сейчас стал соперником. И даже занял на «олимпиаде» второе место после Лёни.

– В следующий раз я выиграю... – сказал Вовка на прощание. – У меня такие наработки есть... Все просто ахнут! Совсем немного осталось доделать... Только из маленького тупичка выйти... Ты, кстати, не поможешь?

«Ахать» Лёня не любил. Потому и помочь отказался, сославшись на занятость. Но мысли о наработках Вовки покоя не давали. Так появился первый созданный Борманом «троянский конь» по имени «Martin». Имя само собой появилось. Как признак мести. Клеймо! «Martin» свою работу выполнил с блеском. А Лёня завершил остальное. Он легко нашёл выход из тупика, в котором застрял Вовка. И когда с новой программой участвовал в своём университетском конкурсе, все в самом деле «ахнули» – так просто, остроумно, почти гениально работала программа. Но выход с этой программой за пределы университета мог вызвать ненужные разговоры. И тогда появился на свет «Martin-2», который ушёл по электронному адресу Вовки, уничтожил все следы своего предшественника, а потом и самоуничтожился вместе со всеми данными на компьютере соперника.

А Лёня поверил в свои силы. Может быть, чуть-чуть рано... Ему бы годик-другой ещё подождать, поднакопить знаний и набраться навыков. Но нетерпение заставило идти на необдуманные шаги. Новые «Martin'ы» пошли на сайты крупнейших компьютерных фирм. И уже через два месяца разразился скандал, в результате которого Лёню отчислили из университета, и с трудом удалось замять уголовное дело. Спасло его то, что он не успел отправить адресатам «Martina-2» и не нанёс материального ущерба, а интеллектуальный ущерб невозможно было классифицировать в денежном эквиваленте, поскольку Лёня никак полученные данные не использовал.

– Легко ты отделался... – сказал следователь ФСБ, пододвигая для подписи документ о прекращении уголовного дела. – Я тебя с трудом отстоял... Прокурор требовал доследования. Еле удалось убедить его, что грех, так сказать, губить талант, который может послужить стране...

Лёня молча подписал и поднял глаза. Следователь смотрел прямо на него, ожидая реакции на последние свои слова. Пауза затянулась, предвещая значимое предложение.

– К сожалению, по нынешним временам достаточно трудно договориться в университете. Они там придерживаются своей позиции и к нашим словам мало прислушиваются. Но я могу смело гарантировать только одно... Через год мы поможем тебе восстановиться и продолжить обучение. А этот год...

Он опять поднял глаза, ожидая, что Лёня сделает то же самое.

А Лёня смотрел в окно. Он вспоминал деда, который умер, когда сам Лёня ещё только готовился пойти в первый класс. За несколько дней до 1 сентября... И из-за этого знакомство со школой получилось не слишком радостным. Лёня плохо помнил его и больше представлял по рассказам отца, чем знал в действительности. Наверное, с дедом так же точно говорили, только тогда эти стены носили другое название. Может быть, и стены были другие, не в этом суть...

Лёня уже понял, что ему сейчас предложат сотрудничество. Так и произошло.

– А этот год, – продолжил следователь, – я предлагаю тебе поработать дома... Мы тебе поможем... Финансово... Будем оплачивать отдельные поручения.

– Что я должен буду делать? – спросил Лёня, стремясь не встречаться глазами со следователем.

– У тебя в определённых кругах уже имя появилось... Имя – это много... Это ещё не имидж, но тоже кое-что... Ты должен стать образцовым хакером... Заведёшь среди хакеров знакомства... Станешь нашим, так сказать, связующим звеном... Что скажешь на это?

Лёня молчал больше минуты. Словно бы раздумывал. В действительности он уже всё решил. Даже с ломом против танка драться бесполезно. Надо мягко согласиться... Не сразу, но согласиться... А потом этой работы избегать... И ни в коем случае не давать никаких подписок.

– Я планировал уехать учиться в Гарвард... – сказал он, наконец.

Следователь сориентировался быстро.

– Это даже интересно. В Кембридже учат неплохо, я слышал... Только сейчас тебе никто не откроет визу. Ты в «чёрном списке»... Американцы следят за этим... У них достаточно бед со своими хакерами... Но на будущее этот вопрос можно поставить... Если ты хорошо себя зарекомендуешь за этот год, мы поможем тебе и визу оформить, и даже устроиться в Гарварде...

– Можно мне подумать? – Лёня спросил робко, как и подобает говорить человеку, только что избавившемуся от угрозы суда, со своим благодетелем, что помог от этой угрозы избавиться.

– Завтра я тебе позвоню. Давай повестку...

* * *

Но до звонка следователя позвонил другой человек. Этот говорил с лёгким восточным акцентом. Пригласил на встречу для серьёзного делового разговора.

– На какую тему? – поинтересовался Лёня.

– На тему взаимовыгодного сотрудничества.

Они встретились через полчаса, когда человек подъехал к дому на джипе «Линкольн», что уже само по себе говорит о том, что разговор предстоит серьёзный. Уже в возрасте, с умными глазами. Только сделал знак рукой – и водитель вышел из машины, оставил их одних.

– Вы чечен? – сразу спросил Лёня.

Воспитанный государственной пропагандой, он чеченам верить не хотел.

– Я турок. Но – российский подданный. Слышали, наверное, про турок-месхетинцев? Так вот, я из них... А вам не нравятся чечены?

– Почему... – отчего-то смутился Борман. – Мне всё равно... У меня нет причин плохо о них думать... Что вы хотели мне предложить?

– Я много слышал о ваших талантах. И хотел помочь вам продолжить образование в Англии. С начала будущего учебного года. А этот год вы могли бы закончить, работая в компьютерной лаборатории нашего концерна. Там же, в Великобритании...

– Меня могут не пустить за границу.

– Глупости. Мы всё сделаем сами. Никто даже не подумает вас задерживать.

– И какие условия?

– Мы подпишем контракт, согласно которому вы, после окончания Оксфордского университета, обязаны будете отработать десять лет в нашем концерне...

– А что это за концерн?

– Это международное достаточно разветвлённое предприятие с широким спектром интересов. До подписания контракта я не уполномочен углубляться в детали. Но не могу не сказать, что такого предложения добиваются многие талантливые молодые люди. Даже имеющие законченное образование и опыт работы. Мы выбрали вас...

* * *

Лёня выходит из стеклянных дверей терминала аэропорта «Хитроу» и с крыльца осматривается...

– Весь вереск давно укатали под взлётную полосу... – говорит Патрик.

– Какой вереск? – рассеянно спрашивает Лёня.

Патрик теряет...

– «Хитроу» – «вересковый ряд»...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Пулат удовлетворился сказанным о Троянском коне так же, как удовлетворился бы двумя фразами о принципе устройства синхрофазотрона. С компьютером Пулат знаком только на уровне простого пользователя. И в вирусах не разбирается. Но он прозорливо догадывается, что его пригласили не исключительно для борьбы через сеть со всякими возможными и невозможными хакерами. И потому, дожидаясь своего часа, садится в кресло и просматривает красивые картинки в книге, поскольку читать на трезвую голову не любит. Александра тут же оценивает пристрастие Пулата к изобразительному искусству.

– Вам принести альбомы? – предлагает. – Красивые...

– Альбомы? – не понимает Виталий.

– Александра у нас – художник... – объясняет Тобако. – И имеет большую библиотеку картин и картинок на любой вкус. Тебе понравится...

– Если не трудно. – Виталий сохраняет гвардейскую галантность и сдержанность.

В это время в кармане Доктора издаёт трель сотовый телефон.

– Слушаю... – рывкает Доктор. – Давайте, записываю...

И пододвигает к себе лист бумаги с ручкой. Но ничего не записывает, хотя ручку из рук не выпускает. – Телефоннограмма из НЦБ, – сообщает он мрачно. – Согласно распоряжению штаб-квартиры, нам выделен телефон спутниковой связи. На моё имя. Просят прибыть для получения...

– Постараются ящик вручить... – предостерегает Тобако. – Проси трубку. У них там есть и старые ящики... Под «дипломат» сделаны. Тяжесть с собой таскать... Ноутбука хватит... Есть и трубки... Чуть больше обычной сотовой. Антенна в комплекте.

– Я знаю. И ещё...

– И ещё?..

– И ещё передали запрет на работу через центральный компьютер до особого распоряжения. Очевидно, комментарии будут переданы по спутниковой связи. Я поеду получать... Может, дополнительную информацию выужу...

Тобако кивает Доктору, на несколько секунд задумывается, потом смотрит на Александру, стоящую в дверях.

– Саня, сориентируешься при телефонном разговоре?

– При каком? – не сразу понимает она.

– Тебе вот-вот будут звонить из ментовки. Пригласят на допрос...

– Сориентируюсь...

– Главное, забудь про Интерпол. Ты – простая женщина, не понимающая, что происходит... И очень беспокоись за мужа. Можешь даже поплакать... Не по телефону, а там, в кабинете...

– Я попробую. Специально для этого накрашусь старой тушью... Советской... У меня где-то валяется... Чтобы по щекам потом потекло...

– Чувствуется художник... – даёт оценку Пулат. – А мне что делать? Картинки смотреть?..

Во взгляде у него пока только удивление, готовое перерасти в недовольство. Натура требует деятельности, к которой он привык больше, чем к спокойной жизни.

– Дослать патрон в патронник... – многозначительно говорит Тобако.

– Уверен? – Пулат достаёт из поясной кобуры пистолет, опускает предохранитель и передёргивает затвор. – Я не против. Ты со мной?

– Рад бы, но... Время дорого... Надо создавать фон. Я пока сгоняю к полковнику Баранову. Воспользуюсь тем, что мне недавно восстановили пропуск в здание.

Звонит городской телефон. Громкость специально поставлена на максимум, чтобы слышно было из жилой квартиры. Доктор смотрит на табло определителя. Качает головой.

– Номер московский. Незнакомый... – поворачивается к Пулату. – Трубку не брать. Они наверняка проверят перед визитом, есть здесь кто или нет. Возможно, это уже и есть проверка. Могут сюда и не войти, сразу в квартиру. Контролируй. Хотя это – едва ли... Там они уже были. При понятых посетить офис не решились. Теперь должны навестить... Один или двое, больше, пожалуй, не заявится... Не выпускать... Справишься?

Виталий отвечает только насмешливым взглядом. Доктор этот взгляд понимает. «Маленький капитан» в бытность свою в ГРУ специализировался на задержании. На задержании разведчиков и диверсантов противника, а не ментов и тех, кто с ними рядом.

– Если они придут, – сомневается Александра, – это же опасно... Пулат один, а их может быть...

– Такая у них работа, – говорит Пулат даже с сожалением, почти с сочувствием к тем, кто должен прийти. – Они вообще, похоже, ребята рискованные...

– Да... – соглашается Доктор. – Пожалуют, я думаю, минут через пять-десять после ухода Саньки. Будь готов. Пусть здесь отлежатся до нашего приезда. А ты, как сделаешь, позвони... Ну... По коням!

* * *

Щёлкает, захлопываясь, замок в двери. У двери тоже громкий голос. Это хорошо для того, кто остаётся караулить. Предупредит.

– Пойду и я собираться, – говорит Александра. – Сейчас альбомы вам подготовлю, чтоб скучно не было. Могу свои эскизы дать. Я сейчас детскую книжку иллюстрирую. Посмотрите... Я занесу...

Она выходит, а Пулат прогуливается к окну. Провожает взглядом выезжающий со двора «БМВ» Тобако. Лохматая голова Доктора светится в окне справа. Значит, Тобако сначала отвезёт Доктора до стоянки, где тот держит свой «пятисотый». Сам Виталий привык обходиться попутным транспортом и никогда не страдает от этого. И уж совсем не имеет пристрастия к большим «Мерседесам», как Доктор. Хотя машины знает отлично и ремонтирует всем знакомым и малознакомым людям по их просьбе. Так убивает свободное время, которого у военного пенсионера-инвалида обычно достаточно.

Александра не возвращается долго. Должно быть, слишком много альбомов решила подобрать. Пулату надоедает любоваться видом из окна, и он возвращается в кресло к увесистому тому «Илиады». Но не успевает перелистнуть несколько страниц, как Александра возвращается. Без альбомов.

– Позвонили... Я сейчас крашусь и поеду... К майору Шерстобитову... Это он вчера был... Я вспомнила фамилию.

– Ага... – простодушно отвечает Пулат своей любимой фразой. – Майор Шерстобитов... Близко к «шизе»... Я скажу Доктору. А маслица машинного не найдётся?

Александра пожимает плечами.

– Кажется, в швейной машинке было... Если мальчишки не утащили... Я посмотрю...

Пулат листает книгу дальше. Потом рассматривает рисунки по второму разу. Александра возвращается опять только через полчаса. Приносит маслёнку. Сама выглядит уже иначе. Одевалась и наложила на лицо такой максимум грима и краски, который подчеркнул старую истину: есть лица, которые без косметики выглядят лучше, чем с косметикой. В этот раз и несколько

альбомов принесла. Фотографии работ японской школы росписи тушью по шёлку. И целую папку с разрозненными листами – свои эскизы.

– Что так на меня смотрите? Не узнаете?

– Сильно вы изменились.

– Я привела себя в вид, соответствующий вкусу определённой группы населения, – слегка горько усмехается Александра. – Конкретно, такие женщины должны нравиться некоторым людям, в том числе кавказцам с базара и ментам... У них одинаковые вкусы и в основном сходные характеры. Разве что мне слегка не хватает объемности телес...

– Может быть... – ухмыляется Пулат, выходит в коридор и заливает масло в солидные дверные петли тяжёлой офисной двери. Он ещё при входе обнаружил, что петли поскрипывают, а при его нынешней должности сторожа такой скрип может раздражать и, возможно, помешает, если кто-то пожелает проникнуть не в офис, а сразу в квартиру. Ему в этом случае лучше выходить без звука.

– Удачи вам... – желает Александра. – Там, в папке с рисунками, – верхний... Тот мент, что нашёл героин в кармане куртки. И, вероятно, забрал ключи... Покажите его Доктору. Личность запоминающаяся...

– Ага...

Она выходит в подъезд. Входная дверь скрипит более основательно, потому что сделана грубее и сама по себе тяжелее. Но её Виталий смазывать не желает. Он только переключает сотовый телефон с обычного звонка на вибровзвон и возвращается в кресло, где можно со всеми удобствами ждать визитёров. Там рассматривает один альбом и рисунки из папки. Первый рисунок ему очень нравится. Это, оказалось, вообще-то, не мент, а гоблин в ментовском мундире. Но рядом с остальными рисунками – тролями, гоблинами, гномами и эльфами – героями книги, которую Александра иллюстрирует, этот смотрится закадычным другом.

Вскоре раздаётся громкий звонок городского телефона. Как проинструктировал Доктор Смерть, Пулат к трубке не прикасается, понимая, что это проверка. Звонят долго, настойчиво приглашая ответить. Пулат только улыбается и ждёт других звуков. Наверняка такие же длительные звонки последовали и в квартиру, оставленную недавно Александрой. Но стены в доме толстые. Звонок не доходит. Через пару минут начинают трезвонить в дверь. Звонок нагло-настойчивый. А ещё через минуту из общего коридора доходит другой звук. Кто-то быстро и уверенно открывает входную дверь, стараясь не задерживаться в подъезде, не желая, должно быть, светиться перед жителями с ключами в руках.

– Ага-а... – говорит Пулат сам себе и неслышно, скользящим шагом, хотя «гости» ещё и не могут его услышать, продвигается в нишу с вешалкой, где прячется за занавеску с японской росписью, чтобы иметь возможность оказаться за спиной любого долгожданного гостя, что попытается войти в офис.

А войти пытаются именно в офис, как правильно просчитал ситуацию Доктор Смерть. Замок Пулат не смазывал. И потому он издаёт характерные звуки. Чуть туповатые, потому что ключ попытались повернуть в другую сторону. Затем слышатся звуки лязгающие. Открывающему хватает сообразительности, и он поворачивает ключ правильно.

Вошло двое. И сразу закрывают за собой дверь. Плотно, но замок не защёлкивают. Обеспечивают путь к быстрому отступлению. Первого Виталий узнаёт даже со спины и в полумраке прихожей. Это тот самый гоблин – парень с мощным торсом и маленькой уродливой головкой на тяжёлых плечах. Следом за ним появляется фигура, мало в чём уступающая Доктору Смерть. Ростом метра под два, и весом за центнер. Пулату при виде такой туши хочется сказать своё пресловутое «ага-а...». Но он придерживает язык до более подходящего момента. Момент ждать себя не заставляет. Дверь в кабинет открыта. Оба шагают туда. Большой застывает, озираясь, в двух шагах от порога, а «гоблин» сразу проходит к сейфу и вставляет в замочную скважину ключ. Вот теперь приходит время Виталия. Он неслышно выскальзывает из-за занавески

и оказывается в дверном проёме. Молча стоит больше минуты. И только потом обижается, что на него внимания не обращают, и потому говорит обязательное для такого случая:

– Ага-а...

«Гоблин» оборачивается резко. Его напарник-громила соображает, видимо, туговато, да и разворот солидного тела на сто восемьдесят градусов требует больше времени. Его можно было бы уже два раза уложить «отдыхать», но на Пулату вдруг нападает, как с крыши на голову сваливается, общительность. И он для первого знакомства скромно интересуется, кивая на сейф:

– И как?.. Открывается?

«Гости» рассматривают «маленького капитана» сначала с удивлением, потом с недоумением. И оценивают его совсем неправильно.

– Ты откуда взялся? – спрашивает «гоблин».

– Гуляю я здесь... – невозмутимо отвечает Виталий. – Погода хорошая, вот и гуляю... А вас, уважаемые, каким ветром, простите, занесло?

– И мы гуляем... – медленно произнося слова, говорит вдумчивый громила.

– Фу, как неинтересно... – возмущается Виталий. – Во-первых, я не люблю, когда кто-то гуляет там, где мне самому гулять нравится... Во-вторых, зачем повторять чужие слова... Неужели ничего своего придумать не можете? Сказали бы, что в гости ко мне пришли... Может быть, я поверил бы... А так... Я вас просто за воров могу принять...

– Ну, в гости... – громила и с этим туповато соглашается. – Принимаешь гостей-то?

– Чай или кофе? Что, уважаемые, предпочитаете?

– Коньяк! – категорично заявляет «гоблин».

– Я, конечно, могу вас и коньяком угостить... У Доктора обязательно должен быть в запасе... Но коньяк в этом доме, я думаю, дорогой, вам зарплату при всей вашей вороватости не хватит...

– Ну, чего смотришь... – «гоблин» прикрикивает на напарника. – Нацепи на него наручники, пока мы коньяк пить будем... Дорогой...

И поворачивается к сейфу, уверенный, что всё будет выполнено.

Громила добродушно улыбается. То ли от мыслей о наручниках, то ли от мыслей о коньяке. И неосторожно протягивает большую руку. Нельзя так медленно руку протягивать. Громила этого не знает, а Виталий знает хорошо. Но объяснять предпочитает без слов, забыв про недавний приступ словоохотливости. Просто захватывает кисть противника, чуть-чуть доворачивает и заставляет того на цыпочки приподняться. А сам одновременно бьёт подъёмом стопы сбоку под колено. И тут же отступает на шаг, любуясь результатом. А полюбоваться есть чем...

Внешне неэффективный удар является весьма эффективным, абсолютно безотказным. Сначала громила даже не замечает его. Он сурово хмурит брови и шагает к Виталию. Этот шаг его и подводит. Действие удара ощущается не сразу. Только при шаге. И шаг сделан – после чего нога подгибается, становится верёвочной, отказываясь держать даже минимальный вес, и громила с недоумением в глазах садится на пол. А тут уже сам Пулат делает шаг вперёд и, развернув руку по полной траектории круга, бьёт локтем в темечко. Громила без звука приклоняется к мягкому креслу...

Оставив первого противника без сознания, но в полном комфорте, Виталий неслышно шагает дальше, за спину к «гоблину», который изымает документы из сейфа, не заглядывая в них, но явно ищет что-то более существенное для своей вороватой сущности, чтобы было чем за чужой коньяк заплатить. Должно быть, «гоблин» не допускает и мысли, что за его спиной может случиться неожиданность. И потому вздрагивает, когда Пулат вежливо спрашивает:

– Нашли что-то интересное?

«Гоблин» оборачивается резко и тут только видит неподвижную тушу на полу. Он пытается отпрыгнуть и одновременно протягивает руку, чтобы достать из подмышечной кобуры пистолет, но Пулат этого ожидает и одновременно с движением «гоблина» назад, сам делает шаг вперёд, ухватив того за локоть.

– Нехорошо, уважаемый, заниматься воровством... – говорит Пулат нравоучительно.

И только после этого левой рукой отводит локоть противника, а правой трижды коротко и резко бьёт. Все три удара в «отключающие» точки – в области сердца, солнечного сплетения и печени. «Гоблин» оседает мешком. А Пулат тут же забирает пистолет и документы. Потом делает то же самое со вторым «гостем». Почесав в раздумье затылок, находит в карманах парней наручники. «Гоблину» пристёгивает руку к ноге, громиле наручники на ногу не полезли, пришлось перевернуть парня и замкнуть руки за спиной. Завершив работу, Пулат звонит Доктору на «мобильник».

– Доктор, я свою работу сделал. Они тебя ждут...

– Я уже на половине дороги... Не выпускай...

– Они цветут и пахнут от предчувствия встречи...

– Я позвоню Тобако, чтобы он пригласил полковника Баранова.

– Я его не знаю. Этого полковника следует присоединить к «гостям»?

– Нет. Это бывший начальник Басаргина.

«Гости» одновременно начинают пошевеливаться. Пулат, не обращая на пришельцев внимания, усаживается в кресло и принимается с великим интересом и удивлением в глазах рассматривать картинки в альбоме.

Первым глаза открывает «гоблин». Смотрит долго и тупо, соображая, как себя вести, одновременно приводя дыхание в порядок, чтобы не говорить с придыхом. Пулат делает вид, что, увлечённый картинками, не замечает пристального внимания к себе.

– Ну, ты, мужик, влип... – говорит, наконец, «гоблин», пытаясь сесть. Это получается, но удобную позу занять не удаётся – наручники коротковаты.

– Не влип, а вступил... – с философическими нотками в голосе поправил Пулат. – Жизнь такая... Гадит народ кругом, где ни попадя... Честное слово, как собаки... Никак не обойти...

– Мы, дурак, из милиции... Сними наручники...

– А я, грешным делом, сначала подумал, что вы из Совета безопасности. – Пулат поднимает перед собой удостоверение сержанта и рассматривает. – Но потом мозгами пораскинул и правильно решил, что там таких держать не будут. Всю безопасность разворуете, хотя от неё и так мало осталось...

– Сейчас группа захвата сюда заявится, по-другому запоёшь...

– Помещение просторное... – оглядывается Виталий. – Места всем хватит... Наручников вот только, беда, у меня нет... Ну, да у них небось найдутся...

2

Тропа идёт вверх круто. Приходится упираться ладонями в колени при каждом шаге, чтобы не позволить себе снизить темп. Хорошо ещё, что морозец в ночь ударил, не липнет снег к ногам, как вчера и позавчера. Тогда было бы вообще трудно уходить от такого цепкого преследования.

Азиз со своим опытом диверсионной деятельности сразу определил – его отряд обложил спецназ ГРУ. Так грамотно и беззвучно, обойдя все ловушки и заминированные участки, они вышли на дистанцию огневого рубежа. Ни один часовой не подал сигнала. Согласно инструкции, часовые днём выставляются по периметру базы на расстоянии трёхсот-четырёхсот метров выдвижения, днём дистанция сокращается до пятидесяти-ста метров. Дальних часовых сняли без звука. Положили и часть тех, что были выставлены по окраинам расположения. И только в непосредственной близости от лагеря случайный взгляд позволил определить опасность. Еле-еле успели организовать отход. Но Азиз – командир опытный. Он давно подготовил план экстренного прорыва, и каждый моджахед свою тропу знает так, что может бежать по ней с завязанными глазами. Плохо, что отходить пришлось под обстрелом. Потери большие.

В округе в течение нескольких последних месяцев не было замечено частей ГРУ – только пограничники и десантники, что заняли перевал, да в долине стоит усиленный бронетехникой неполный батальон морской пехоты. Старую дорогу держит, хотя в зимнее время дорога ведёт, по сути-то дела, «в никуда» – по ней не пройдёшь к границе, и боевикам нет смысла пользоваться ею. Но все, кто держит пути нужные и ненужные, в горы не лезут. Эти воевать предпочитают в обороне. Тогда они, честно говоря, хорошо держатся. А скрытно подкрасться, «накрыть» неожиданно – не обучены достаточно... А теперь «накрыли»... Спецназ ГРУ – больше некому... Ещё Хаттаб, когда был жив, предупреждал – если появятся в округе «летучие мыши»⁹, значит, готовят неожиданную и молниеносную операцию. Все жители окрестных сёл оповещены об этом. И должны были бы предупредить, чтобы операция не стала в самом деле неожиданной. Но никто не дал сигнала. Значит, спецназовцев перебросили так скрытно и умело, что они избежали всех возможных встреч. И это не простая операция, а тщательно спланированная, выверенная, преследующая конкретную цель. Очень хотелось бы знать – какую?

Охота персонально на Азиза?

Вариант возможный, хотя Азиз не настолько высокого мнения о себе, чтобы всерьёз в это поверить. Правда, летом он хорошо себя зарекомендовал. Но далековато от этих мест. Тогда он «гулял» то в районе Шали, то рядом с Гудермесом, то в Знаменском, то в Ачхой-Мартане или Шелковской... Везде оставил след. Фирменные ловушки! Несколько операций в окрестных сёлах – и перемещается в другое место, где его стиль ещё незнаком. А стиль характерный. Расстрелять семью предателя. И пустить дезинформацию, что следующей ночью придут ещё кого-то наказывать. Неверные в доме готовят засаду. Транспорт в стороне оставляют под охраной и со связью. Дать засаде посидеть до утра. Утром они снимаются, уверенные, что никто не придёт. Возвращаются к машинам. Расслабленные, не ожидающие нападения. Там, около машин, и устраивалась ловушка по всем правилам военного искусства. Действовало безотказно!

Хотят отомстить за это?

Конкретно сказать трудно. Хотелось бы верить, что так... Проще верить, что так и визит «гостей» – просто совпадение. Иначе это уже предполагает утечку информации и, следовательно, информированность спецназовцев о том, кого следует задерживать. И это больше похоже на правду. На ликвидацию простых зимних баз могут послать спецназ ВДВ или даже

⁹ «Летучие мыши» – на нарукавной эмблеме спецназа ГРУ изображена летучая мышь, обхватывающая крыльями земной шар.

простую мотопехоту. Окружили, вызвали вертолёты, разбомбили, потом преследуют... Всё стандартно. Приятного мало, но уйти можно. Шансов – пятьдесят на пятьдесят... А здесь даже вертолётов нет, артиллерии нет, нет даже миномётов... Почему? Любой солдат знает, как тяжело воевать без огневого подавления противника. А если не давят, то действуют с определённой целью – скорее всего хотят кого-то брать живым...

И известно кого...

Если бы сейчас прилетела парочка «Ми-24» или «Ми-8» и переворошила НУРСами весь склон, Азиз чувствовал бы себя легче. В этом случае они бы просто оторвались от преследования и рассредоточились в горах. Пусть ищут... Но вертолётов нет... То есть они были... Не пешком же забрались спецназовцы в этот район, куда ни одна дорога не ведёт – только тропы. Но вертолёт, вероятно, выбросил их где-то в стороне. И направление движения они умышленно показали другое... Иначе было бы донесение наблюдателей. А потом где-то в необжитых, безлюдных горах бойцы свернули в сторону, может быть, даже в противоположную, скрытно выдвинулись в будущий район действий и в результате обложили отряд Азиза.

И скорее всего не просто так обложили. Знали, что только два дня назад через Грузию привели к Азизу гостей, которых следует сегодня днём переправить дальше. Переправить целыми, здоровыми, даже не побитыми, чтобы они могли выполнить важное задание. Даже Азиз не знает – какое. Но его предупредили: за срыв операции – смерть, за выполнение – солидная награда. И теперь приходится пожертвовать значительной частью отряда, чтобы этих «гостей» вывести из окружения. Было бы хоть ради кого жертвовать!.. В отряде три палестинца-добровольца. Эти при виде гостей просто руки с автоматов убрать не могут. Нервничают. Но приказ был жёсткий. «Гости» нужны... Какие-то мальчишки... Два еврея и один русский. До русских палестинцам нет дела. На русского у чеченцев руки чешутся, хотя чеченцев в отряде меньше половины. Палестинцам дай с евреями расправиться. И евреев они упустить не хотят. Сложная ситуация и без спецназа. А тут ещё это... И потому Азиз принял решение, оставил палестинцев в заслоне – подальше...

Бой за спиной идёт яростный. Но долго продержаться группа прикрытия не сможет. Будь там простые солдаты, их можно было бы даже отбросить и уничтожить. С «летучими мышами» обыкновенные выверенные действия результата не дают. У них подготовка не та... Это Азиз знает отлично, потому что ещё восемнадцать лет назад в составе группы молодых офицеров иорданского королевского корпуса спецназа проходил стажировку в спецназе ГРУ СССР. На эту стажировку отправили лучших офицеров. Отбор был очень жёстким. Азиз приложил всё своё старание, чтобы попасть в группу. И попал. Сам тренировался, сам пытался стать таким же бойцом, как русские парни, но понимал, как и другие офицеры понимали, что двухнедельная стажировка недостаточна. Спецназовца готовят много лет, и ни в одной стране мира не готовят так жёстко, как в тогда в СССР, а теперь в России. Они только пытались тянуться за русскими парнями... Хотя далеко не все бойцы были русскими, но русскими их звали по привычке.

В отряде Азиза есть два правоверных мусульманина-алжирца, что раньше служили во французском иностранном легионе в Джибути. Отличные бойцы. Они гордятся своей подготовкой. Но Азиз смотрит на них со стороны, как на равных. Они ничуть не лучше его самого, потому что и он отличный боец, к тому же профессиональный диверсант. Но как раз собственная подготовка даёт Азизу право рассуждать, сравнивать и делать выводы. Против простой армии, даже против десанта, бывшие французские легионеры годятся. Воюют на равных, а в чём-то и превосходят.

Но не против спецназа ГРУ...

* * *

Тогда, восемнадцать лет назад, двухнедельная стажировка заканчивалась трёхдневными совместными учениями в долине Кафернигана в Таджикистане. Азиз до сих пор вспоминает с отвращением своё поведение. Где-то должен был быть оставлен пакет с маршрутом следования. Точка указана на карте. Четверо советских бойцов и с ними иорданский лейтенант Азиз точно вышли на место. Большая поляна в тугаях. Посреди поляны три пирамидальных тополя, как часовые на посту. План должен быть спрятан под этими тополями. Приблизились. Между деревьями лежит наполовину сгнившая туша дикого кабана. Кто-то пустил ему очередь в голову и вспорол ножом брюхо, вывалив наружу кишки. Над кабаном кружат тучи мух и всяческой мошкеры. Приблизиться к туше противно.

– Курсант Азиз, – сказал, осматриваясь, командир группы старший лейтенант Разин. – Где может быть спрятан пакет?

Азизу почему-то захотелось посмотреть вверх, к вершинам тополей.

– И как вы думаете туда забраться?

Иорданец понял, что это проверка результатов стажировки.

Не старший лейтенант ставит ему оценку, но доклад старшего лейтенанта Разина будет решающим. А высокая оценка – это карьерный рост, это признание высокой квалификации, это, в конце концов, престиж. Это шанс, которого многие ищут, но не каждому удаётся его получить.

Азиз отмахнулся от мух, которые норовили сесть на лицо, подошёл к стволу тополя, обхватил руками, попробовал. Бесполезно. Не имея специального оборудования, нужно быть медведем с его когтями, чтобы суметь взобраться. У Азиза не хватило сил даже для того, чтобы подняться на метр. Слишком толст ствол, и нет близко ни одной ветки, за которую можно ухватиться.

– Не знаю.

– Думайте... Где пакет?..

Азиз отошёл чуть в сторону, ухватился за тяжеленный камень-валун, наполовину вросший в почву, и попытался перевернуть его. Это тоже оказалось выше человеческих сил. Но, если попробовать всем вместе, камень можно и своротить.

– Пакет под камнем, – уверенно заявил курсант.

– Нет. Никто не будет прятать его туда. Неизвестно, сколько человек подойдёт за пакетом. Думайте...

– Не знаю...

Разин пальцем указал на тушу кабана:

– Это верная примета. Логически стройте мысль. Кабана убили автоматной очередью. Четыре пули в голову... Видите... Это слона убьёт... Какой смысл был вспарывать ему брюхо? Понимаете? Только для того, чтобы спрятать туда пакет... Действуйте!..

Азиз широко раскрыл глаза. Шагнул к кабану, увидел, как среди кровавых кишок ползают черви и опарыши, и отвернулся.

– Я не могу... Я правоверный мусульманин... Мне нельзя прикасаться к свинье...

Сам себе Азиз отдавал полный отчёт. Он не к свинье прикоснуться побоялся. Если бы была необходимость, он стал бы даже есть свинину. Но копать в кишках, среди червей и крови... Тошнота подступила к горлу даже от одной мысли об этом.

– Талгат тоже мусульманин... – спокойно возразил Разин. – Талгат...

Лейтенант-чеченец выступил вперёд с невозмутимым лицом.

– Достать?

– Азиз?..

– Нет.

– Талгат.

Лейтенант запустил руку во внутренности туши и достал завернутый в целлофан окровавленный пакет. Вытер его о траву, снял целлофан и засунул назад, чтобы не оставлять следов. Пакет передал командиру группы. Разин вскрыл пакет и вытащил карту. Смотрел на неё только несколько секунд.

– Вперёд! – дал направление рукой.

На Азиза даже не посмотрел.

Иорданец понял, что высокую оценку ему не получить. Это значит, что рассчитывать на хорошую должность по возвращении он не может... И, расстроенный этим, он совсем потерял силы и волю. Маршрут Азиз заканчивал на чужих плечах, а в конце маршрута предстояло вступить в рукопашную схватку.

Появление Азиза в Чечне есть прямое продолжение того дела восемнадцатилетней давности. Военную карьеру он не сделал. Засиделся в лейтенантах до той поры, когда стало стыдно носить погоны младшего офицера. И тогда ушёл в отставку... Но дело ему нашлось. Подготовка диверсанта у Азиза в самом деле хорошая...

Здесь, в Чечне, он встретился с Талгатом Абдукадыровым, оказавшись с ним по одну воюющую сторону. И вскоре должен встретиться с ним снова. Именно Талгату нужно сдать с рук на руки «гостей», которых следует оберегать...

Хотелось бы и с Разиным увидеться. Хотелось, хотя такое свидание вызывало опасения.

* * *

Восход стремительно надвинулся на вершины, чётко высветив их контуры. Скоро и на склонах станет совсем светло. Тогда их смогут засечь наблюдатели. При той цепкости, с которой работает спецназ ГРУ, это очень опасно. Но Азиз знает, куда идёт. Даже за те две недели – восемнадцать лет назад – он научился тому, чего не знали спецназовцы его страны и чем в совершенстве владели советские спецназовцы. Только бы дойти до места раньше, чем их настигнут. Но заслон должен суметь продержаться. Если бы не задерживали «гости», не было бы вообще никаких проблем.

Азиз оглядывается. Он разделил отступающих на пять джамаатов¹⁰, приблизительно по пятнадцать человек каждый. Два джамаата оставил в прикрытие. Потом, сверху, необходимо будет прикрыть отступление заслона. С пяти разных направлений. Отступающие идут разными тропами. Но все тропы утоптаны. Трудно будет определить, по какой моджахеды отступали, какой пользовались раньше. Только бы восход не поторопился, и дал уйти из пределов видимости.

В первом джамаате в дополнение к основному составу идут гости с двумя сопровождающими и сам Азиз. Отличаясь численностью, они становятся самыми заметными. Спецназовцы могут обратить на это внимание. И потому следует торопиться. Радует, что снег стал на морозце жёстким, – легче идти, но морозец принёс и чистое небо, следовательно, более ранний рассвет. Это внушает опасения, хотя ветер, кажется, крепчает, и может принести тучи. Быстрее бы... Тучи рассвет всегда задерживают...

Вперёд!

¹⁰ Джамаат – отделение, группа, обычно численностью в 10—15 боевиков. Стабильная воинская единица в рядах чеченских НВФ (незаконное вооруженное формирование). Во главе джамаата стоит командир, называемый эмиром.

3

Первым приезжает не Доктор и даже не ментовская группа захвата, а возвращается Тобако.

С молчаливым любопытством оглядывает компанию. Принимает из рук Пулата рисунок и удовлетворённо сверяет с оригиналом.

– Значит, этот урод сам и пожаловал...

– Ничего... Ничего... Скоро я посмотрю, кто из нас уродом окажется... – «Гоблин», должно быть, с самого детства доволен своей внешностью и потому слегка обижается. – Наши приедут, тут много уродов заведётся... Это я вам обещаю твёрдо...

– Не суетись... – говорит Андрей. – И не хами старшему... Сейчас сюда поднимется специалист по акупунктуре, будешь с ним разговаривать очень вежливо. Это я тебе обещаю твёрдо. Впрочем, он сам тебе всё объяснит... У него после «срока» к ментам особое пристрастие...

Фраза прозвучала, и она вроде бы сообщает «гоблину», что он имеет дело с простыми уголовниками и людьми околоуголовного круга.

– А я вам обоим обещаю, что сам допрашивать вас буду... Лично... Хотя это и не моё дело...

Должно быть, «гоблин» верит, что он связался с какими-то обычными бизнесменами, имеющими офис в жилой квартире. Уголовные или не уголовные – это ситуацию не меняет. Он привык к власти, даваемой погонями, и совсем не привык к посторонней власти над собой.

– Для допроса интеллект следует иметь. А какой у тебя интеллект?

– Сохатый приехал? – не обращая внимания на «гоблина», спрашивает Пулат, знающий, кто такой специалист по акупунктуре.

– Они добрались за десять часов. Ангел не жалел машину. Свои крылья, похоже, на капот приладил...

– Добро... Доктор тебе дозвонился?

– Поздно, я уже уехал оттуда...

На улице раздаётся голос сирены.

– Вот-вот... Наши уже едут... Будьте готовы... – не может унять «гоблин», грозит, самодовольно усмехаясь.

Тобако выглядывает в окно.

– Это не ваши... – отвечает с ленцой. – Это «Скорая помощь»... И тоже не к вам... Я думаю, врач вам не понадобится. Скорее, могильщик...

Приходит в себя громила. Старается сесть прямее. Он откровенно не понимает, что с ним произошло, и озирается недоуменно. Его, вероятно, давно не били, и он с трудом смог сообразить, что творится вокруг и почему он не может вытащить из-за спины руки. А когда, наконец, соображает, решает дожидаться продолжения молча, в надежде, что молчаливых бьют меньше. Другое дело – его напарник... Этот ещё пытается сам себя успокоить, и старается выглядеть грозно.

– Могильщика приготовили... Напугать захотели... Да вас сегодня же придавят всех, не выкрутитесь! Адрес известен... Ждать недолго...

– Уважаемый, я попрошу вас не мешать мне смотреть картинки, – вежливо просит Пулат. Это фирменная вежливость. Ангел не однажды рассказывал, как «маленький капитан» извинялся перед тем, как круто поломать человека. И с поломанным разговаривал точно так же. – Помолчите хотя бы минут десять...

– И картинок насмотришься... Насмотришься!.. Все скоро насмотритесь... Кхе-кхе...

«Гоблин» попытался изобразить смех.

– Вы, молодой человек, просто вынуждаете меня встать и помочь вам молчать громче... – Виталий вздыхает и поднимается с кресла.

«Гоблина» спасает звонок в дверь.

– Вот-вот... – радуется «гоблин». – Открывайте сразу. Всё равно дверь вышибут...

– Пожалуй, я его послушаю...

Тобако, усмехнувшись, идёт открывать, а Пулат садится на место. Возвращается Андрей с Ангелом и с Сохатым. Спецназовцы приводят с собой ещё одного человека. Тут же вытаскивают у нового члена компании из заднего кармана брюк наручники и сцепляют руки за спиной.

«Гоблин» теряется. Он откровенно надеялся, что третий «подельник» приведёт подмогу.

– Не суетился? – спрашивает Тобако.

– Он мудрый... – Ангел хлопает мудрого сзади по плечу и лёгким движением колена помогает ему сесть на пол. Мудрый мудро не возражает.

– Доктор приехал, – сообщает Дым Дымыч. – Ждёт внизу Баранова. Просил временно не уродовать задержанных. Возможно, с ними кто-то пожелает поговорить...

– Куда уж больше уродовать... – сидя по-прежнему в кресле, пожимает плечами Пулат. – Природу не перепрыгнешь... Она сама постаралась!

– Я сам вас всех в бараний рог согну... – опять грозит «гоблин». – Своими руками...

– С полковника Баранова и начнёшь... – соглашается Сохатый. – Тебя как, урод, зовут?

«Гоблин» задумывается. Или звание Баранова заставляет его зашевелить мозгами, или он безуспешно пытается вспомнить собственное имя.

– Вениамин... – читает Пулат в удостоверении. – Жалко тебя, Веник... Никогда тебе не быть уже даже старшим сержантом... Долго тебе камеру придётся подметать...

– Ничего вы мне не предъявите! – После тугих раздумий разговор меняет направление.

– А мы бы ничего и не предъявляли... Поднимать много шума не в наших интересах. Просто поговорили бы с тобой по душам, – говорит Тобако, – и, может быть, отпустили. Наш специалист по акупунктуре умеет убедить человека говорить душевно и по существу... Но, поскольку приезжает полковник Баранов, тебе придётся, видимо, пройти по всем инстанциям следствия. Попытка ограбления – это минимум. По предварительной договорённости с группой лиц – срок, считай, почти удваивается. Наскребут и ещё что-нибудь... Будь уверен... ФСБ в отличие от ментов работает аккуратно и все факты умело подбирает. Если фактов не хватает, их можно организовать... Здесь они большие мастера, опять же, в отличие от вас... Не какой-то пакетик с наркотиками, который ты достал из своего кармана... Тебе по полной программе влепят, чтобы скучно не было. Лет десять гарантировано, чтобы не мешал серьёзным людям работать.

«Гоблин» начинает прислушиваться и даже голову боком поворачивает, словно настораживает уши. И уже не угрожает, понимая, что, возможно, в самом деле влип основательно. И, как каждый червь, начинает искать нору, в которую можно уползти.

– Кто такой полковник Баранов?

– Когда он тебя будет допрашивать, обязательно представится по всей форме...

– Может, – голос «гоблина» вдруг меняется, становится грубовато-просящим, – я и вам на что-то пригожусь? Подумайте... У нас тоже ребята не лыком шиты... И «крышей» могут быть, и в другом деле...

«Гоблин» сам обозначает, что действует не по собственной инициативе. Невнятно, но обозначает, хотя его об этом даже не спрашивали. Значит, следует дальше давить. Качать, пока горяченький...

– С этого надо было и начинать... Попробуем договориться...

– Так кто такой Баранов?

– Начальник отдела федерального управления. Полковник ФСБ.

– «Крыша»?

– «Крыша».

– Это серьёзно. Но наши с ним общий язык найдут...

Андрей усмехается:

– Сомневаюсь... Баранов сам на «стрелки» не ездит. Обычно во избежание непонимания он посылает группу захвата... Тебе лучше объясниться с нами.

«Гоблин» ориентируется правильно и коротко переглядывается со своими товарищами. Тобако именно этого ждёт. Сам с товарищами переглядывается.

– Ладно, разговаривать будем с каждым по отдельности. Ангел... Выведи эту парочку в коридор. Возьми какой-нибудь половик. Там пол холодный... Мочевой пузырь застудят, лужу сделают... Саньке не самая приятная работа, и нам не самые приятные ароматы...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

«Мерседес-500» Доктора Смерть пристроился на дворовой стоянке рядом с милицейским «уазиком». Сам Доктор открывает дверцу, выставляет на снег одну ногу и так курит, не спешит подняться в офис. И даже двигатель машины оставляет включённым. Он хорошо знает, что там сейчас начинается «прокачка» задержанных ментов, роли распределятся, как обычно бывает, сами собой, и исполнители будут импровизировать на ходу, подстраиваясь к действиям коллег. И потому желает задержать полковника Баранова, который тоже должен вскоре подъехать, чтобы не помешал процессу. Допрос неофициальный, принятый в спецназе, обычно осуществляется в тылу врага и обязан давать моментальный результат. Там не признаются адвокаты и слюнявые законы – только лишь психологическое давление и физическая боль, умело перемешанные и направляемые. Появление полковника ФСБ само собой прекращает прекращение такого активного разговора и несёт запрет на применение нестандартных методов. Следовательно, это может помешать добиться результата. Сам полковник тоже знает положение вещей и потому не спешит. Сказал Доктору, что сначала заедет вместе с человеком из отдела борьбы с незаконным оборотом наркотиков своего управления в отделение милиции, попытается узнать что-нибудь относительно Басаргина и только потом пожалует в офис.

Между делом Доктор рассматривает трубку телефона спутниковой связи. В НЦБ ему в самом деле пытались всучить «дипломат» с оборудованием. Доктор категорично потребовал трубку. После десятиминутного препирательства он своего добился. Сейчас проверяет и сам аппарат, и систему подключения кабелей к нему. Кабелей в упаковочной коробке оказалось много, и сразу показалось невозможным разобрать, какой для чего предназначен. С техническим английским языком Доктор не слишком дружит, хотя свободно общается и с англичанами и с американцами на бытовом и военном уровне, но прочесть сразу инструкцию не может. И откладывает это занятие до того, как освободится Табако...

* * *

Дым Дымыч зачем-то задёргивает шторку на окне. В комнате полумрак, который кажется слегка зловещим. И даже сам звук – скрежетание колец по металлической трубе гардины происходит по нервам «гоблина», заставив его передёрнуться, как от озноба.

– Зачем вы, друг мой, пожаловали на эту квартиру? – добрым, предельно вежливым голосом задаёт вопрос Пулат, не вставая с кресла и не выпуская из рук портрета допрашиваемого. Очевидно, образ «гоблина в мундире» ему очень приглянулся. Несравненно больше, чем оригинал.

«Гоблин» осклабливается и выдаёт откровенное признание:

– По сусекам поскрести...

Должно быть, ему нравится пользоваться своей внешностью и играть роль дурака. Но Виталию почему-то кажется, что перед ним дурак не совсем абсолютный. По крайней мере иногда с проблесками сознания...

– А почему вы выбрали для прогулок именно данную местность?

– Случай подсказал...

Табако, должно быть, разделяет мнение «маленького капитана», потому он и продолжает, делая вид, что наивно верит «гоблину»:

– Лапшу нам на уши не вешай... В детский сад мы все уже давно не ходим. Да и тебе пора бы детсадовские привычки забыть... На квартиру идут по наводке. Сюда никто навести не мог...

«Гоблин» доволен. При разговоре по крайней мере не бьют.

– Это профессионалы так работают. Профессионалы... «Домушники»... А я же... Перекреститься могу – первый раз! Бес попутал... Обыск вчера был у соседей. Ключи подвернулись... Я и сообразил, что ключи от этой квартиры... Поговорил с ребятами, и поехали...

Интерполовцы переглядываются.

– Кстати, насчёт обыска... По какому поводу такое знаменательное событие состоялось?

– Капнул кто-то... Наркотиками там торговали...

– Так вы, милый мой, – Пулат по-прежнему остаётся вежлив, в нём всегда пробуждается чрезвычайная вежливость при экстремальных обстоятельствах, – работаете в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков? В ваших документах значится, что вы из патрульно-постовой службы... Не успели «ксиву» сменить?

Нет, такими пустяками «гоблина» не смутить и с толку не сбить. Тем более если он имеет возможность говорить почти правду.

– Нас привлекают иногда... Когда народ нужен...

– А остальные, значит, были из одного отдела?

– Да нет... – «Гоблин» даже усмехается недогадливости оппонентов.

– Так – «да» или «нет»?

– Нет. Бывает, что оперативность важна. И выезжает, кто свободен...

– Кто *пока* свободен... – уточняет Пулат. – То есть кого пока ещё не *посадили*...

«Гоблин» пожимает в ответ плечами.

– И вы, значит, решили воспользоваться своими воровскими привычками и похитить ключи... С детства, наверное, руку набили... Так и тянется в чужой карман...

– В первый раз... Покойной мамой клянусь!

– Не стесняйтесь, рассказывайте... – добро настаивает «маленький капитан». – Предварительно вы выяснили, что дети ушли в школу, хозяйку квартиры вы вызвали на допрос в отделение... Это же естественное продолжение вчерашнего – вызов на допрос... А сами...

– Ну... – не видит «гоблин» расставленные «сети». – Сюда поехали...

– А по какому поводу хозяйку квартиры допрашивают? – Тобако «сети» замечает и начинает гнать «рыбку» туда. Не очень назойливо, без нажима, но целенаправленно.

– Как свидетеля...

– Майор Шерстобитов, значит...

«Гоблина» даже не удивляет тот факт, что называют фамилию майора. Значит, Виталий существенно ошибается. Сообразительностью сержант блистать не научился.

– Да.

– И майор, значит, вам доложил, что хозяйку он займёт надолго, а вам приказал ехать на квартиру?

– При чём здесь Шерстобитов?... У него свои дела, у нас свои...

Начальство сразу не сдают... Его сдают постепенно, с уважением...

– А сам майор сюда не пожелал показаться? Или он думал присоединиться к вам позже?

– Он на допросе... «Дело» раскручивает...

– Ему сейчас накрутят... Больше, чем вам накрутят... Я так думаю.

Звонок сотового телефона мешает Андрею задать следующий вопрос. Тобако смотрит на определитель. Звонит Доктор.

– Слушаю.

* * *

Доктор устал сидеть в машине и теперь прогуливается вокруг неё, легонько попиная широкую резину колёс. Ему только что позвонил Баранов, сообщил, что возвращается вместе с Басаргиным, которого удалось вытащить. Доктор попросил полковника ехать осторожно, поскольку дороги скользкие. Баранов понял. После этого Доктор набрал номер Тобако.

– Когда закончите? – интересуется.

– Не могу точно сказать. Беседуем... Дым Дымыч ещё отдыхает.

– Приступайте. Надо форсировать. Баранов вот-вот будет... Александра с Александрой везёт...

– Как вытащил?

– Я не в курсе. Приедет – расскажет.

– Задержи их. Я тебе позвоню, как освобожусь.

– Постараюсь. Хотя Басаргин, наверное, домой рвётся... Ночь в «обезьяннике» просидел, там не отдохнёшь...

– Задержи... Или пусть сначала в квартиру пройдут... Чайку попьют... Душ после «обезьянника» принять просто необходимо и всё прочее...

* * *

Тобако убирает «сотовик», делает два шага и останавливается прямо перед «гоблином», насмешливо рассматривая его сверху.

– Похоже, твоему Шерстобитову уже основательно дали по рогам... Арестованного освободили.

– Не может этого быть... – откровенно беспокоится «гоблин». Но тем не менее верит. Есть в тоне Тобако что-то такое, что уверяет в его правдивости сильнее, чем удар кулака Пулата. Да и то, как обращаются хозяева офиса с ментами, уже показывает, что за спиной у них кто-то стоит – более значимый, чем мелкое ментовское начальство.

Тобако продолжает, не реагируя на реплику:

– Но прежний вопрос меня не перестаёт волновать... И потому я продолжу разговор: кто и по какому поводу, говоришь, на Басаргина «капнул»?..

– Откуда я могу знать? – нервно возмущается «гоблин». – Я человек маленький. Меня не спрашивают.

Странно, отчего он вдруг так занервничал? От сообщения об освобождении Басаргина? От мыслей о своей участи? Или от чего-то ещё, вызванного вопросом Андрея? Простая теория постановки допроса говорит, что следует обращать особое внимание на моменты, когда допрашиваемый начинает нервничать. И Тобако решает на своём настоять.

– А мы на всякий случай спросим... И тебе придётся ответить...

– Спросим... Отчего ж не спросить... – с другой стороны кабинета медленно приближается Сохатый. – Не захочешь, а ответишь... Когда очень просят, отвечать надо... Поверь, это даже приятно... Ответишь, и сразу боль проходит. Дышать можешь полной грудью...

– Какая боль?..

– Физическая. Есть люди, которые больше страдают от нравственной. С теми работать труднее. Они любят прогуливаться на собственную Голгофу. Но ты, слава богу, не из них...

Чувствуя в голосах угрозу, «гоблин» пытается отодвинуться подальше, толкаясь одной ногой и одной рукой. Палас в кабинете оказался малоприспособленным для подобного фигурного катания. А тут ещё с третьей стороны дорогу перекрывает Пулат, расставшийся с любимым креслом.

– Мы же вроде договорились пообщаться... мирно... – «гоблин» по-прежнему гнёт свою линию. – Я откровенно не советую вам обострять отношения... Никакая «крыша» потом не поможет...

Он продолжает отодвигаться, пока не упирается спиной в ноги Дым Дымыча. Сохатый наклоняется, берёт мента за мизинец и поднимает руку, заставив того упасть боком на пол. Руку при этом не выпускает, только перехватывает второй рукой запястье, и рассматривает сначала, словно цыганка, ладонь.

– Линия жизни у тебя короткая... Не иначе, под трамвай попадёшь...

– Какой трамвай... Какой... – «Гоблин» кажется испуганным. Похоже, он не любит физической боли.

– А вот номер трамвая у тебя на ладони не написан...

Углубляться в хиромантию Дым Дымыч не желает и резко переворачивает кисть вверх тыльной стороной. Коротко осматривает и нажимает согнутыми указательным и средним пальцами на какие-то одному ему известные точки. «Гоблин» коротко взывает.

– Что делаешь?..

Сохатый сохраняет невозмутимость.

– Проверяю реакции нервной системы. Раздражаю твой зубной нерв. Если я захочу тебя сейчас убить болью, то нажму на нужные точки на десять секунд. Ты не выдержишь шока... Впрочем, при твоей тупости ты можешь и двенадцать секунд протянуть... Может быть, даже тринадцать... Больше самые тупые не выдерживают. Но зачем нам здесь такой вонючий трупняк... Поэтому я буду просто нажимать раз за разом, с маленькими перерывами на отдых. Вот так...

«Гоблин» взывает снова.

– Будем говорить?

– Будем...

Он оказывается сговорчивым парнем, склонным к восприятию ненавязчивого постороннего мнения. И вообще в характере «гоблина» начинает просматриваться что-то чисто журналистское: он внезапно обретает страсть к распространению новостей... А через минуту, после нового нажатия Сохатым на нужные точки, уже желает заменить собой целое информационное агентство. Просто фонтанирует интересной информацией...

2

Отдельной мобильной офицерской группе подполковника Разина не удалось как следует отдохнуть после серьёзной операции по задержанию полевого командира Батухана Дзагоева, освобождению захваченных чеченами заложников¹¹, последующей операции по аресту Шерхана Дзагоева, министра строительства республики. Тогда Разину пришлось почти добровольно пойти на то, чтобы его захватили боевики, на кратковременный плен, чтобы завершить начатое дело. Сразу по окончании операции предполагалось вылететь в бригаду. Осталось совсем ничего – закрыть продовольственные аттестаты и проездные документы дооформить. Но за несколько часов до посадки на «борт» последовал звонок по телефону «ВЧ» сначала из штаба бригады. Разина нашли быстро и пригласили к аппарату.

– Александр Андрейч... – Мрачный голос начальника штаба кажется более мрачным, чем обычно, и не предвещает ничего хорошего. – Собрался вылетать?

– Группа в сборе. Все готовы...

Начальник штаба вздыхает, и Разин догадывается...

– Извини, ситуацию не я диктую...

Теперь вздыхает Разин. Хотя и знает, что его вздох ситуацию изменить не в состоянии.

– Срочное задание. Свободных групп рядом нет... То есть нет настолько знающих обстановку, как ты со своими парнями. В придачу выделяем наши два взвода. И десантники роту дадут. Всё под твоё командование. В республиканском управлении ФСБ подготовлены для тебя карты спутниковой съёмки... Получи...

– Снова снимать, наконец-то, начали?

– Начали... Понемногу и космос оживает... Но это не наши карты. Пока нам помогли парни из Интерпола. Они тоже замешаны в ситуации. Информация пришла от них. Там же, в отделе, получишь шифротелеграмму. Большая «портянка»... В трёх частях...¹² Предварительная разработка операции. Полную, с привязкой к местности, проводишь сам...

– Есть провести самому, товарищ полковник.

– Действуй. Будут проблемы, докладывай сразу в Москву. Они сели на контроль...

– Понял...

Последнее сообщение вроде бы не предупреждает открыто, но Разин давно научился понимать то, что начальник штаба бригады только в голове держит. Но держит, кстати, умышленно открыто. И потому подполковник легко соображает, что это обыкновенное, чуть не открытым текстом данное предупреждение – дело стоит на контроле в самых высших инстанциях, и потому ответственность за выполнение задания удваивается. Значит, будут со всех сторон лезть с советами и с предложениями помощи. И необходимо от этой помощи увернуться так, чтобы никто не помешал, и самостоятельно дело сделать.

Старая истина: если дело серьёзное и контролируется «сверху», всегда находится много желающих подмазаться и неуклюже помочь, чтобы потом приписать себе роль более значительную. А чем такая помощь оборачивается – Разину известно давно. Московские чины всегда считают, что для качественного проведения любой операции требуется чуть ли не задействование всех резервов. И пытаются навязать эти резервы, хотя в действительности посторонние силы только мешают и не приносят того результата, которого можно незаметно и без лишнего шума добиться малым числом. Но числом подготовленным, тренированным, натасканным на

¹¹ Роман «Риск – это наша работа».

¹² В целях избегания периодичности и последующей возможности дешифровки, большие по объёму шифротелеграммы делятся на части, периодичности не допускающие.

выполнение подобных операций. Группа «волкодавов» Разина как раз из таких. И лишние силы могут быть только помехой.

Выйдя из кабинета связистов, подполковник не успевает пересечь коридор, как за его спиной открывается дверь, и лейтенант кричит вдогонку:

– Подполковник Разин! Москва требует! Полковник Мочиллов...

Разин возвращается.

– Слушаю, товарищ полковник, – говорит в трубку не слишком бодро.

– Приветствую тебя, Александр Андреич! Уже наслышан, как ты Дзгоева брал... Красиво, но одобрить не могу... Слишком большой риск. Кроме того, нам доложили, что у тебя сердчишко пошаливает...

– Нет, Юрий Петрович. С сердцем почти нормально. Это была дезинформация противника. Перед кардиограммой крепкого чая перепил, чтобы «мотор» работал соответственно...

– Понял. Не злоупотребляй... Я помню, ты к чаю сильную привязанность имеешь... Тебе из бригады звонили?

– Только что поговорил.

– Берёшься?

– А я имею возможность отказаться?

– Состояние здоровья... С «мотором» шутки плохи. У меня под рукой есть группа, но она не так хорошо знакома с обстановкой. Могу откомандировать, чтобы тебя заменили, но группу твою оставляю.

Разин отвечает не задумываясь:

– Нет. Я со своими... А дополнительная ОМОГ¹³, честно говоря, не помешала бы... С солдатами... сам знаешь как... Кто командир?

– Полковник Согрин.

Подполковник вздыхает так, чтобы вздох был слышен на другом конце провода. Вздохами тоже следует уметь вовремя и целенаправленно пользоваться, так же, как понимать чужие вздохи. Мочиллов это умеет, иначе Разин и вздыхать не стал бы.

– Не лучший вариант, Юрий Петрович. Ты вместе с Согриным поставишь меня в трудную ситуацию. Если я буду разрабатывать и проводить операцию, а Согрин попадёт в моё подчинение – может получиться не совсем тактично. Всё-таки полковник... И командир очень опытный... Я был под его началом. В Афгане ещё... Взводам в его батальоне командовал. Если он будет командовать, как положено по званию, я не понимаю, зачем мне разрабатывать детальный план, коли новый командир всё равно будет действовать по-своему... А Согрин, как я помню, всегда по-своему действует...

– Я понял. Подумай, как можно обеспечить взаимодействие. У него группа маленькая. Три человека. Один из них тебе немного известен – майор Сохно¹⁴. Помнишь, после первой войны он выручал пленных... Захватывал глав тейпов и старейшин, потом менял на наших... Его тогда еле-еле от суда отмазали... Прокурор попался... Хорошо, должно быть, заплатили ему... И не хотел понимать, с кем воевать собрался. Пришлось включить агентуру, собрать материал на прокурора и самого посадить на восемь лет... Преемник оказался сообразительнее... Сохно чечены до сих пор помнят...

– Я знаю майора. С удовольствием взял бы его к себе в группу, но...

– Но Согрин не отдаст. Они вместе с семьдесят первого года, с «вьетнамских лейтенантов»... Подумай, как можно их использовать.

– Хорошо. Я сначала ознакомлюсь с материалами.

– Ещё одна маленькая деталь. Ты помнишь события восемнадцатилетней давности?

¹³ ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа.

¹⁴ Романы «Правила abordaja» и «Закон ответного удара».

- Если есть что вспомнить, то вспомню...
 - К нам на стажировку присылали иорданцев.
 - Было такое дело.
 - Лейтенант Азиз...
 - Это тот самый Азиз?
 - Тот самый.
 - Буду рад посмотреть, что из него вышло... Тогда был с амбицией, но бестолковый...
 - Вот потому мне и хотелось бы, чтобы операцию провёл ты. Ты его немного знаешь.
- Сможешь предвидеть возможные ходы.
- Времени прошло много. Азиз должен «подрасти»...
 - Вот и проверишь его «рост». Действуй. Что надо будет, звони напрямую.

* * *

Выдвигаются на оперативную позицию с предельной осторожностью, только ночью, в течение трёх суток.

Идти приходится по снежной горной целине, среди камней и деревьев, торить тропы через сугробы. Но и темп необходимо выдерживать максимально высокий. Рота десантников укладывается в расчёты Разина откровенно с трудом. Да и солдаты-спецназовцы тоже языки на плечи выложили, хотя идут более грамотно, умеют беречь силы.

– Отцы-командиры перестарались... – перекатывающимся баском ворчит майор Паутов, заместитель Разина, оглядывая солдат, остановившихся на короткий привал.

– Чем недоволен? – переводя дыхание, коротко спрашивает подполковник.

– Я сколько раз говорил... Посмотри на их расписание занятий... Бегать и ползать больше надо, а не драться. Ты часто за последний год в «рукопашке» участвовал?

– Один раз... дома... Мальчиков-хулиганчиков во дворе приструнил...

– Вот и наших мальчиков готовят, чтобы на гражданке подраться могли... А лучше бы на выносливость натаскивали... На лошадиную... Даже на простую «упёртость», чтоб через «не могу» могли... Чтобы ломались, но шли...

– Дело говоришь... – соглашается Разин. Вдыхает, оглядывает отряд и тут же командует голосом, который усталости не показывает, хотя командир тоже устал. – По-одъём! Вперёд! В прежнем темпе...

Разин уверен только в своих парнях. Мобильные офицерские группы проходят подготовку отдельно и по собственной программе. И уровень подготовки совсем иной, чем у солдат и даже у линейных офицеров. И профиль подготовки у каждого из офицеров группы индивидуальный, с уклоном на специализацию и личные физические и волевые качества. Особое место занимает программа по психологической подготовке. Но общие занятия традиционно максимально приближаются к условиям глубоких многодневных рейдов, проводятся на пределах выносливости. В боевой обстановке эти занятия сказываются.

Дозоры разведки приходится менять через полчаса, чтобы сберечь парням дыхание – не по живописной лесной тропинке в своё удовольствие гуляют. Не берёзовой веточкой комаров отгоняют – замёрзшие пальцы сжимают холодную и весомую сталь автомата. И в мокром снегу по колено... Снег на ноги липнет, цепляется, словно пытается заставить тащить за каждой ногой по целому сугробу. Точно тот же график смены Разин выбирает для отделений ведущих. Физически здесь нагрузка сильнее. Но если разведку Согрин доверяет спецназу, то на роль ведущих определяет десантуру. Ведущие тропу прокладывают. Для всех остальных. Чтобы остальные силы сохранили. Предельно плотную тропу, проходимую. За долгие полчаса интенсивного и темпового уминания снега пар начинает валить от бойцов, как на морозе после бани. Затем отделение переходит в замыкающие – идёт по самой утоптанной тропе, а следующее принима-

ется за работу. И так без конца. Смена за сменой. Благо, бойцов выделили достаточно. Вот тот случай, когда количество переходит в качество – философская величина работает. В другом случае это оправдывается далеко не всегда. Устают все. Но идут. С зубовым скрипом, через силу – себя преодолевают, а не только километры одолевают. Офицерам роты десанта подполковник объясняет – десант будет иметь время на отдых, спецназ – нет. Им предстоит с марша вступить в бой. Поэтому тропа – за десантом. Спецназ идёт замыкающим. Тропу не торит. Ему ещё свою торить – ползком, без привала. В последнюю ночь...

Только в непосредственной близости от базы полевого командира Азиза, когда каждый шаг уже приходится дополнительно контролировать на осторожность, Разин останавливает отряд на большой отдых. На час раньше, чем в предыдущие двое суток. Потому что ночью предстоит разделиться – десанту необходимо выступить в оцепление и на позиции отдохнуть. А спецназовцам выполнить основную работу. Скрытно и чётко, без права на ошибку и небрежность.

Подполковник собирает вокруг себя всех офицеров десантной роты. Ещё раз сверяется с командиром роты по карте. Задача простая – перекрыть пути отступления. Рассредоточиться, занять позиции и ждать, когда «загонщики» выгонят на них «волков». У капитана карта стандартная. Тропы на ней обозначены только старые, если вообще указаны. Спутниковая съёмка показывает все недавние следы. На предыдущих привалах капитан, по приказу подполковника, тщательно переносил обозначения спутниковой карты на свою. Другие отдыхали, командир кропотливо водил карандашом по планшету. Сейчас сверяют вместе. Всё точно. Каждый командир взвода задачу получил раньше. Маршрут знает.

Кажется – всё!..

– Отдыхать всем, кроме охранения! До темноты... Огонь не разжигать! Не курить! Громко не разговаривать! На открытые места не выходить! Все средства связи заглушить! В эфире тишина...

В этих местах нет населённых пунктов. По крайней мере карта их не показывает. Можно было бы и днём идти. Но на карте космической съёмки в некоторых местах есть странные и достаточно чёткие линии. Трудно сказать, что это такое. Может быть, просто снежные уступы, нанесённые ветром. Но вполне резонно предположить, что это тропы. Куда они ведут? Этого не знает никто. Подполковник решает не рисковать. Нельзя дать возможность Азизу потерять ощущение безопасности, уйти самому и увести своих необычных «гостей».

Охранением традиционно заведует майор Паутов. Разин не вникает в его распоряжения. Своих забот хватает. И ещё беспокойство за группу Согрина. С полковником и с его двумя офицерами беседовали за три дня до выхода.

– Азиз грамотный командир. Я проанализировал несколько его операций. Не зря его у нас натаскивали. Лис командует волками. И с толком командует. Всё делает хитро и предусматривает пути отхода в нескольких вариантах. Его несколько раз заманивали в ловушки – всегда уходил. Один путь перекроют, у него оказывается запасной, непредвиденный. Два перекроют, три, всё равно уходит. Сколько этих запасных – три, пять, десять?..

– База в таком месте, – добавляет Паутов, – что есть только две стороны отхода. Это значит, что Азиз свой паровоз загнул в тупик? А он никогда себя в тупик не загонял... Задача...

– Ловушки? – спрашивает полковник Согрин, понимающий всё с полуслова.

– Я слышал про эти места... – вступает в разговор майор Сохно. – Не ловушки и не задача... Сеть сообщающихся пещер! Чуть в стороне... Выход в другую долину, на проторенные тропы. Но не был здесь ни разу... Надо искать то, что Азиз оставил про запас...

– Мне тоже так доложили, – подполковник Разин соглашается. – Пещерами Азиз не может не воспользоваться, если знает об их существовании. А он знает наверняка, потому что в его отряде есть и местные жители. Но, согласно космической съёмке, база устроена не в пещерах. Что это значит?

– Это значит, что база расположена там, где жить удобнее... – высказывает предположение Кордебалет – майор Афанасьев, третий член группы Согрина. – Вполне может быть, что в пещерах нет воды. Это всё-таки высокогорье, и не каждая речка имеет обыкновение бежать вверх по склону...

– Я пришёл к такому же выводу, – Разин соглашается. – Но Азиз не тот лис, который живёт в норе с единственным входом. Он наверняка изучил пещеры. И будет уходить через них.

– Он будет не просто уходить... – предполагает Сохно. – Он через замаскированные выходы будет отдельными джамаатами выходить нам в тыл и действовать на уничтожение живой силы. Короткая эффективная атака в спину, и моментальный отход до следующей атаки в удобном для него месте. Если только не пожелает просто сбежать... А у него, я слышал, есть к тому причины...

– Есть, – кивает Разин. – Ему надо вывести трёх пленников в безопасное место. Что вовсе не исключает первое... Не исключает, что часть отряда через пещеры постарается выйти нам в тыл и атаковать...

Согрин спокойно рассматривает карту. Он признаёт доводы подполковника основательными. С пещерами следует разобраться и обеспечить безопасность группы превентивными мерами.

– Принимаете на себя?

– Принимаю... – полковник отвечает задумчиво.

– Сколько бойцов с собой возьмёте?

– Я бы вообще никого не взял. Троим пройти незамеченными легче...

– Но втроём и обследовать пещеры тяжелее... Может просто не хватить времени. Физически не хватить... И где-то что-то останется, что может сорвать всю операцию.

– Я возьму отделение, – соглашается Согрин. Довод подполковника основательный, против такого не возразишь. Тем более что никто даже представления не имеет, что представляют собой эти пещеры, сколько имеют ходов и выходов.

– Десантуру... – категорично говорит подполковник полковнику. – Спецназ я задействую при захвате базы. Там с десантурой работать труднее.

– Согласен, – кивает Согрин. – Мне нужны не столько бойцы, сколько носильщики... – Но... Хотя бы пара из них должна иметь навыки минёров...

Легко работать с людьми, если мысли настроены на одну волну. Полковник и подполковник понимают друг друга и строят планы исходя из необходимости. И никаких личных амбиций. Никакого ущерба для дела только от того, что у командира операции на одну звёздочку на погоне меньше, чем у командира вспомогательной группы.

Группу Согрина выбросили отдельным вертолётom далеко в горах – в другой стороне, сразу же после собеседования. Разин побеспокоился о подготовке до того, как полковник дал согласие. Не сомневался в своём бывшем командире. И не ошибся. Экипированные по зимней норме, но без права разводить огонь на привале. Пищу разогревать на спиртовых примусах. Ночёвки, естественно, без палаток. При таких условиях выжить трудно, не то что провести боевую операцию...

Где-то они сейчас?..

Впрочем, Разин надеется на опыт и разум всегда строгого и сдержанного Согрина... Полковник не из тех, кто что-то забывает предусмотреть, и уж совсем не из тех, кто не может действовать в соответствии с обстановкой.

3

В дверь не позвонили... Просто Тобако, слушая рассказ «гоблина», улавливает характерные щелчки открываемого замка. Потом слышатся голоса из коридора. Это Ангел, выполняя обязанности охранника при двух ментах, разговаривает с пришедшими. Пару слов пробасил Доктор. Коротко, но раскатисто хохотнул. Должно быть, представляет себе ситуацию, когда маленький Пулат укладывает на отдых гиганта-мента, сравнимого по габаритам с ним самим. Не удаётся разобрать, что говорит Александра, хотя голос её слышится отчётливо. Баранов с Басаргиным или говорят тихо, или вообще молчат.

Дверь офиса не открывается. Значит, Доктор уводит Баранова к Басаргиным.

Посторонние звуки и сам «гоблин» слышит. И настораживается, не зная, продолжать ему рассказ или дожидаться, когда его вызовут. Дым Дымыч по-прежнему жёстко держит его кисть в своих руках и в любой момент готов повторить опыт с пробуждением зубной боли. Это весомый аргумент.

– Дальше, дальше, мы тебя очень внимательно слушаем... – настаивает Тобако.

– Там пришли... – В голосе мента звучит надежда.

– Это не к тебе... Там вернулся хозяин квартиры, где вы вчера погром устроили. Он пока чайком побалуется, отдохнёт от ментовского запаха... Может быть, ванну примет... Так что у тебя есть время всё рассказать... Дальше!

* * *

– Мне чай без сахара и... как всегда... покрепче... – просит Доктор, не пожелавший пить кофе. Он и кофе обычно пьёт из посуды, сопоставимой с его телесными объёмами. А Александра всегда разливает кофе по мизерным японским чашкам. В знак протеста Гагарин выбирает чай.

– Чай заваривать надо, – отвечает Александра. – Подождёшь?

– Чтобы время не тянуть, прямо в бокал завари... Полторы ложки чая...

– Как у вас сердце терпит... – качает головой полковник Баранов.

– Оно у меня большое, – традиционно отмахивается Доктор. – Кстати, Саня, Ангелу на пост тоже можно чашечку кофе доставить... Его не сразу сменяют... Он, кажется, тоже пьёт без сахара. Считает, как и я, что сахар мозги размягчает...

– Много сахара употребляет тот, кому не хватает любви. Своей или чужой, – констатирует Александра. – Это исследования японских учёных. У вас с Ангелом, могу сделать вывод, с этим всё в порядке... Чего не скажешь о Тобако... Ему тоже отнести? И Виталию?

– Они присоединятся к нам чуть позже. Там ещё и Сохатый. Он тоже сахар любит... Пока им мешать не стоит. Допрос – дело по-восточному тонкое...

Возвращается из ванной комнаты Басаргин – умытый, побритый после ночлега в грязноватой ментовке. Заходит в соседнюю комнату, через пару минут возвращается ещё и переодетый.

Баранов смотрит на него настолько осуждающе, что без пристального внимания становится понятной шутиливость взгляда.

– Ты чему радуешься? Официально ты сейчас находишься под следствием... Надо бы для приличия взять с тебя подписку о невыезде.

– Боюсь, что мне придётся выезжать в любом случае. – Александр смотрит на Доктора и добавляет. – Вместе со всей командой... Но сначала проверить кучу дел здесь...

– Как, кстати, ты вывернулся? – интересуется Доктор. – Обошлось без подписки?

– Товарищ полковник бессовестно «подставил» своего сослуживца из наркоотдела... – шутит Саша. – Попросил его забрать к себе все материалы дела, поскольку это дело вливается в другое, более широкое, в которое ментам соваться откровенно не рекомендуется. Оформили всё документально. Сразу приехали с соответствующими документами, подписанными, но незаполненными. Там и заполняли... Как, кстати, Сергей Иванович, вы такие бумаги добыли?

Баранов хмыкает:

– Я их и не добывал. Их принесли от генерала Астахова. «Альфа» каким-то образом оказалась в курсе событий... Без моего участия.

– Должно быть, Тобако расстарался.

– Больше некому, – соглашается полковник. – Таким образом, уважаемый господин Басаргин в настоящее время проходит подозреваемым по делу, расследуемому ФСБ. Иначе его невозможно было вывести из сферы интересов ментов.

– Я думаю, – поправляет сам Басаргин, – только из сферы профессиональных интересов. Ещё останется интерес бандитский, рэкетирский, террористический...

– Ну, уж, ты сразу... – усмехается Баранов.

– Нет, Сергей Иванович, я не сразу. Я был готов к такому повороту событий. И даже провёл превентивные мероприятия. Я же не знал, что Доктор с Тобако так поспешат ко мне присоединиться. А сейчас в полном составе нам предстоит заняться оперативными мероприятиями. Интенсивное следствие...

– Что-то серьёзное налёвывается? – Сергей Иванович даже поставил на стол чашку с кофе, чтобы слушать внимательнее.

– Жду сообщений от комиссара, чтобы развернуть операцию... По всей вероятности, действовать придётся не только совместно с «Альфой», но и с ГРУ. По крайней мере для ГРУ я передавал карту космической съёмки. Они уже проводят операцию в наших интересах на территории Чечни. Думаю, наши бывшие спецназовцы смогут стать связующим звеном в координации действий. Остальное пока рассказать не могу...

– Вот так и бывает, – вздыхает Баранов. – Бывший начальник раскрыл рот и растопырил уши, а ему только общими словами дают понять, что благодарны за освобождение, но рекомендуют не соваться в ход следствия. Что ж, я согласен... И потому допиваю кофе и откланиваюсь...

* * *

Полковник допивает кофе. Но раскланяться не спешит.

– Нам перед прощанием предстоит решить ещё один вопрос – что делать с вороватыми ментами?

– Это уже надо спрашивать тех, кто с ними работал, – говорит Басаргин. – Доктор?..

– Я не работал... Сейчас приведу Тобако.

Доктор выходит и возвращается с Андреем.

– С одним мы почти закончили... Я не очень в курсе дела, которое раскручивается в настоящее время, но, судя по всему, отпускать парней нельзя... – категорично заявляет Тобако. – Посмотрим, что другие скажут, но уже первого допроса достаточно для такого вывода. Они могут дать кому-то знать, что пошла встречная атака. И это может оказаться чреватым последствиями.

– Есть два варианта, – предложил полковник. – Передать их в ведение отдела внутренней безопасности МВД или в управление организованной преступности ФСБ. Что предпочитаете?

– Я бы предпочёл ФСБ, – отвечает Басаргин, – но тогда станет ясно, что мы вышли на след ментовской банды. Само название управления всё объяснит. С другой стороны, отдел внутренних расследований тоже может «наследить» и помешать нам. Даже ещё больше. Оттуда

утечка случается достаточно часто. Да ещё и честь мундира... Хрен редьки не слаще – что выбрать?

– Я бы выбрал ГРУ... – мрачно говорит Доктор. – Если ГРУ принимает участие в операции, то они смогут и пожелают вступить в игру с ментами.

– Вы считаете это реальным? – интересуется Баранов. – У ГРУ нет своих следственных органов.

– Роль следственных органов мы сможем выполнить сами – Басаргин ненадолго задумывается. – Но тогда их будут искать... Это называется незаконным арестом. По сути дела, похищением людей... За такое по головке погладить могут только топором...

Доктор хохочет. Его хохот напоминает рык хищника в пустыне.

– И пусть ищут... Следы только подмести необходимо. Машина внизу... А называться это будет не незаконным арестом. Я думаю, что называться это будет уголовным делом по поводу исчезновения экипажа патрульно-постовой машины. Найдут их нескоро...

Баранов встал.

– Всё-всё-всё... Ухожу-ухожу-ухожу... Итак, у меня что-то неладно стало со слухом. Должно быть, кофе сказывается... Крепкий... Спасибо, Санька, но мне такой уже не по возрасту... Давление поднялось, и уши заложило... Я ничего не слышал и уезжаю в неведении о ваших планах... И вообще при мне, насколько я помню, ни о каких задержанных речи не велось. Рад был оказать услугу!

Полковник поднял руку, прощаясь одновременно со всеми, и вышел.

– А я, – сказал Доктор, – хотел бы сначала выслушать начальника. Меня интересует степень совместимости наших интересов с интересами ГРУ. А после этого я сразу позвоню, чтобы от нас забрали обузу...

– Меня просили координировать действия с полковником Мочиловым, – сказал Басаргин.

– Понятно. Значит – не просто ГРУ, а спецназ ГРУ. Это даже лучше. Но с Мочиловым пусть беседуют Ангел или Пулат. Они недавно тесно сотрудничали.

Тобако пошёл к двери.

– Я подменю Ангела...

В это время в кармане Доктора подал трель телефон спутниковой связи...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

Десантуру оставляют отдыхать и дожидаться условленного часа, чтобы потом, когда он наступит, ей выдвинуться на возможные направления прорыва. Само выдвижение в темповый обходной марш планируется сразу четырьмя группами, перекрывающими каждый из двух путей сверху и снизу.

– Особо прошу обратить внимание, – напутствует подполковник Разин офицеров, – на людей без оружия. Таких среди них должно быть по крайней мере трое. Их следует брать живыми. Возможно, это заложники, возможно – сообщники... Этого мы пока и не знаем... Может быть, просто пленные, которых желают использовать. Двое по возрасту совсем мальчишки. Один чуть постарше. В любом случае нам необходимо взять их и доставить в Москву. Это – главная цель операции. Это – важнее, чем захват или уничтожение самого Азиза! Насчёт Азиза... Мы с ним знакомы. Он проходил стажировку у меня восемнадцать лет назад. Если будет возможность, постарайтесь брать его живым. Но рисковать из-за этого не стоит... Только если случай подвернётся... Я хотел бы с ним побеседовать.

– Те... Мальчишки... Кто они такие? – спрашивает командир роты.

– Единственное, что я знаю, компьютерщики-программисты с высоким профессиональным рейтингом. По крайней мере один из них имеет международное имя. Двое других просто подающие надежды. Их собираются использовать в какой-то серьёзной террористической акции. Если они будут убиты, найдут других, и акция будет всё же совершена, но эти другие останутся нам неизвестными... Возможно, останутся неизвестными... Поэтому следует быть осторожными. По данным агентуры Интерпола из Турции, компьютерщиков сильно берегут... При этом не исключается возможность их вербовки, потому что относятся к ним не как к простым невольникам. Хотя свободу передвижения ограничили полностью. Если их завербовали, они сами не пожелают попасть к нам... очень много «возможно» и «если». Ориентироваться будем на месте.

– Пойди туда, не знаю куда... Принеси то, не знаю что... – пожимает капитан плечами.

– Куда – известно... Что – известно... Остаётся только пойти и принести, – возражает подполковник. – Мы в этой операции – только маленькое звено. Основную часть работы выполняют Интерпол совместно с «Альфой».

* * *

У группы Разина путь более долгий и более сложный. Спецназ выдвижение к самой базе Азиза начинает ещё засветло, почти без отдыха, в надежде, что в преддверии ночи никто не пожелает погулять по дальним горам и не обнаружит там отряд. Но даже если и обнаружит, то разведчику ещё следует успеть добраться до базы, чтобы предупредить Азиза. То есть посоревноваться со спецназом в выносливости и в скорости передвижения и при этом не обнаружить себя. На этот случай снайперы с «винторезами» особо проинструктированы, а наблюдатели с биноклями ночного видения контролируют все фланги и дальние проходы, по которым самим спецназовцам только предстоит ещё пройти.

Разин выдвигает вперёд офицеров своей группы. Им определять и снимать часовых. Солдатам с этим справиться труднее – не та подготовка... Группу возглавляет майор Паутов. Майор – «железный шифоньер», как зовут его иногда другие офицеры группы за физическую мощь,

он не знает, что такое усталость, и никогда внимания не теряет. Знает все уловки чеченских часовых.

– Азиз – иорданец... У него свои уловки... – предупреждает Разин.

– Здесь иорданских пустынь природой не предусмотрено, – отвечает майор. – Разберёмся...

По флангам Разин выдвигает снайперов. Кроме того, подполковник придал передовой группе штатного арбалетчика – на случай, если на базе есть собаки. Пуля не всегда уложит злобного сторожевого пса без звука, даже пуля такой безголосой винтовки, как «винторез». После раны навывлет собака обычно поднимает шум. Арбалетный болт¹⁵ убивает наповал и без звука.

Основная группа выходит через десять минут после офицерской. Передвигается тремя колоннами, с намерением на ближней дистанции развернуться веером. Оставляет за собой видимый след, но теперь это может не волновать. Завтра, с наступлением дня, пусть этот след хоть с увеличительным стеклом изучают. Дело будет сделано...

Первое сообщение приходит ещё до того, как выполнили развёртывание колонн. Паутов сообщает по «подснежнику»¹⁶:

– Я «Кречет». Два выдвинутых поста. Новинка! Начинаю думать, что Иордания находится за Полярным кругом. Домики типа эскимосских иглу¹⁷... Могли не заметить другие. Будьте внимательны.

– Я «Волга». Понял... Этих сняли аккуратно?

– Без проблем...

– Связь?

– Посты без связи...

Других импровизированных иглу за спиной разведчиков не оказалось. Глаз у Паутова цепкий. И слава богу! При таком малом личном составе любая очередь в спину может оказаться решающей и трагической. Поэтому идут с повышенной внимательностью.

– Я «Кречет». Ещё одно иглу... И две собаки впереди. Были... Можете делать «веер»... Остались только ближние посты...

– Я «Волга». Понял. Командирам колонн!.. Разворачиваем «веер»...

Технология хождения по снегу давно разработана. Если поднимать и переставлять ногу, скрип в ночи разбудит мёртвого. Поэтому нога, провалившаяся в сугроб, передвигается под снегом. Трудно! Устаёшь! Бульдозером себя чувствуешь! А за спиной уже много километров тяжёлого марша. Тем не менее последние сотни метров пройти необходимо без звука. Хотя совсем без звука получиться не может. Не бывает такого...

Кто-то звук услышал...

– Я «Кречет». «Волга», в лагере тревога!.. Нас обнаружили.

– Я «Волга». Всем. Вперёд! Огонь на поражение. Стрелять только по видимым вооружённым целям. Предупреждаю! По вооружённым целям! Выделяйте невооружённых. Докладывать!

Сухо затрещали короткие очереди. Хищно загуляло по склонам долины эхо. Почти полная, крутобокая луна сразу стала из противницы помощницей. Огонь стало возможно вести прицельный. Более того, скрытый легколесьем спецназ остался почти невидим для взоров через прицельную планку, тогда как боевики на голом склоне выглядят учебными мишенями.

Плохо, что застать боевиков врасплох не удалось, но это не удалось бы и на более короткой дистанции. Азиз хорошо подготовил своих бойцов. Никакой паники, всё организовано,

¹⁵ Болт – так называется короткая стрела арбалета.

¹⁶ «Подснежник» – коротковолновая система связи, состоящая из наушника, микрофона и плоской карманной рации.

¹⁷ Иглу – дома эскимосов, строятся из снежных кирпичей.

каждый знает своё место и действия, которые требуется предпринять. Не видно, чтобы кто-то суеился, отдавая команды. Но вроде бы сама собой организовалась заградительная группа, дающая возможность другим отойти и уже с дальней дистанции прикрыть отход оставшихся.

Тёплые перчатки в карман. На руки – привычные и удобные для боя велосипедные перчатки, оставляющие пальцы открытыми. И потуже подтянуть их, чтобы кисть чувствовала жёсткость. Подполковник Разин рассматривает происходящее в бинокль и сразу оценивает старания Азиза по организации боевых действий. Сказалась кадровая подготовка. Очень грамотно работают. Редко такое встретишь среди боевиков. Знай Азиз, какими силами атакует его Разин, он, несомненно, предпринял бы контратаку. Но Азиз, естественно, предполагает то, что обязан предположить на его месте любой другой командир, – силы атакующих, по теории, всегда должны превосходить силы обороняющихся чуть ли не втрое. С какой стати в данном случае должна нарушаться теория? Целесообразности полевой командир не увидел. А зря. Растянув силы в отступлении, он потерял единственный шанс, потому что все пути отхода перекрыты десантурой. Если только нет запасного пути, который и должен был определить полковник Согрин со своими людьми.

Определил ли?

* * *

Первый штатный снайпер ОМОГ старший лейтенант Парамонов ещё до выступления общей группы занимает позицию на правом фланге. Трое солдат прикрывают его. Левый фланг держит второй штатный снайпер – лейтенант Паша Сокольников с другой тройкой прикрытия. Снайперы получили особый приказ. Отдавая его, подполковник Разин исходил из недавно захваченных у моджахедов документов, подписанных ещё Хаттабом, о структурном формировании джамаатов, и рекомендованном расположении их членов при передвижении на местности. Разведданные говорят, что этот приказ является всё ещё действующим и обычно соблюдается в точности. Изучив документы, можно определить, где и в каком месте находится в данное время командир джамаата, где снайпер, где гранатомётчик и миномётчик. Типичным и устоявшимся считается передвижение пятью способами. Самым приемлемым, исходя из местности, времени года и наличия торёных троп, выглядит передвижение джамаатов Азиза в одну колонну. Это Разин определил ещё во время продумывания плана вместе с полковником Согриным. Таким образом, снайперы получили возможность выборочно отстреливать эмиров¹⁸ и лишать подразделения отряда согласованного руководства. Другие цели определяются традиционно. Снайпер, миномётчик и гранатомётчик. Те, кто могут доставить самые большие неприятности при наступлении. Но это всё продумано и отработано. Выучка у бойцов на грани автоматизма. Облава началась и пошла по всем правилам...

Белый снизу и лохматый лохмато-зелёный выше пояса маскировочный костюм старшего лейтенанта дал ему возможность пристроиться рядом с камнем неподалёку от торёной тропы. Его вполне можно принять за низкорослую ёлку. И следы, что Парамоша, как зовут его офицеры ОМОГ, оставил, могут сказать, что кто-то к этой ёлке подходил. Чтобы след не выглядел односторонним и свежим, пришлось прогуляться до тропы и обратно несколько раз, словно кто-то любовно и регулярно заглядывал сюда по надобности.

Засевшие чуть в стороне солдаты с любопытством наблюдают за топтанием старшего лейтенанта. Сами они устраиваются более просто, не изображая собой куст, а прячась за кустами настоящими. Парамоше же вынужденно приходится занимать более открытую позицию, потому что, спрятавшись среди кустов на одном с тропой уровне и оставаясь невидимым, он мало видит и сам. А для прицельной стрельбы требуется хороший обзор.

¹⁸ Эмир – командир джамаата.

– «Волга»! Я «Спартак». Позицию занял.

– Понял тебя. Действуй.

– «Волга»! Я «Сокол». Позицию занял, – почти сразу докладывает и лейтенант Сокольников.

– Я «Волга». Понял. Приступайте к выполнению.

Чётко обозначаются резкие контуры гор. Рассветает стремительно. Вскоре со стороны лагеря начинается активная стрельба – сошлись на ближней дистанции. Парамоша подготовился. В зону обстрела попали сразу два джамаата, идущие параллельными тропами. Но дальний скоро сворачивает, начинает перебираться на тропу выше по склону. Старший лейтенант снимает с прицела чехол, прикрывает им лицо, как экраном, и дует тёплым дыханием себе в нос, чтобы не замёрз, когда дыхание перед выстрелом придётся задерживать. После этого отключает питание ночного видения, чтобы светящийся зелёный ободок не выдал его раньше времени, и припадает к окуляру...

2

Внезапный шум чуть не вызвал выстрел...

По крайней мере двое солдат, что идут за полковником Согриным совсем неслышно, вскинули автоматы и коротко щёлкнули предохранителями. Хорошо, полковник успевает руку поднять. Вот что значит – несогласованность. Сам полковник давно замечает майора Сохно, который и не скрывается, усевшись чуть выше по склону, а солдаты в полумраке его приняли, должно быть, за валун, которыми склон густо усыпан. Майор при приближении полковника просто съезжает «на пятой точке» – с горы прокатился, детство вспомнил, и солдаты при общем напряжении, присущем любой серьёзной операции, готовы отреагировать на шум и движение выстрелами. Именно поэтому Согрин не любит работать во взаимодействии с солдатами. С солдатами спецназа чуть проще – у них подготовка лучше и нервы крепче. С десантурой пришлось повозиться и на марше, при стремительном скрытном выдвижении к старым пещерам, и в ходе поиска.

Впрочем, от солдат трудно требовать того же, чего можно требовать от офицеров. У них просто слишком мало времени на подготовку. Ещё на марше Согрин, в свои пятьдесят пять лет, вполне смог дать молодым парням солидную фору и потом без сомнений и видимой усталости перегнал их и обошёл незамеченным. Именно поэтому, приступив к обследованию сети пещер, при вынужденном разделении всей группы на четыре части полковник взял себе двух десантников, по паре выделил майорам Сохно и Афанасьеву, а шестерых, возглавляемых сержантом, оставил вместе. Среди них – двух минёров общего профиля. Общий профиль – это значит, парни могут не только минировать проходы, но и обнаруживать, если не разминировать, чужие ловушки. И всё равно считает последнюю группу самым слабым звеном.

Сейчас выстрел в такой непосредственной близости от лагеря боевиков стал бы просто предательством группы Разина и поставил бы всех под удар.

Съехав на тропу, Сохно протягивает командиру лист карты с отметками. Он так и съезжал, держа этот лист перед собой, словно внимательно разглядывал в темноте, – уважает клоунаду. Полковник подсвечивает ручкой-фонариком, просматривает отметки.

– Ещё шесть выходов? – Даже головой покачивает.

– Шесть. Небольшие, но ползком выбраться можно. Для гигантских червей, как я, пригодно... Вылез, дал пару прицельных очередей и прячешься, в следующую дыру ползёшь, из-под камня шмаляешь...

Отметки перенесены на командирскую карту.

– Какие предполагаешь заминировать?

– Там общий проход. Пробиаться ползком. Камень посреди прохода. Проползти невозможно. Придётся сдвигать. К камню – растяжку. Пару гранат за спиной. Метрах в пяти, сразу перед поворотом. Вторая пара – за поворотом. Поражение стопроцентное. Спрятаться некуда. Целый джамаат покрошит...

– Годится. Где солдаты?

– Камень по проходу тащат. Я подыскал подходящий. «Растяжки» поставлю сам. Только блоков не хватит. Конфигурация сложная, надо обхват обеспечить.

Полковник вытаскивает из кармана разгрузки упаковку миниатюрных блоков, через которые можно пропустить шнур «растяжки». Новинка мастерских производственной базы ГРУ. К «растяжкам» под ногами все привыкли. Такие обнаруживаются легко. Маленький блок крепится на калёный наконечник-саморез, и его можно ввинтить в любую щель. Кто будет потолок разглядывать, если головой в него не ударяется?

– Действуй. Я перехожу на нижний уровень. Перенеси отметки...

Согрин протягивает майору обе карты, чтобы Сохно смог дополнить свою результаты поиска группы полковника. Сам поправляет микрофон «подснежника».

– Я «Рапсодия». «Танцор»... Слышишь?

Майор Афанасьев не отзывается. Не отзывается и после повторного вызова. Беспокойства молчаливость группы не вызывает. Значит, ползает по пещерам. Проходы такие, что там не потанцуешь. Камни экранируют. Нарушают связь постоянно. Притом не поймёшь, когда связь останется устойчивой, когда закапризничает. В одном месте впечатление такое, что собеседник в паре метров от тебя. А два шага к нему сделаешь, он уже не слышен, словно вообще покинул невеликий радиус действия станции.

Майора Афанасьева друзья зовут Кордебалетом, отсюда и позывной. Прозвище случайное. И получил он его в самом начале службы в спецназе, когда молодой шифровальщик прибыл для пополнения отдельной мобильной группы, готовящейся к проведению операции во Вьетнаме. Проверяли физическую подготовку новичка. Он оказался мастером спорта по боксу. В учебном поединке с физически более сильным и тяжёлым офицером, тоже бывшим боксёром, показал такой танец с одновременным нанесением множества ударов, что противник после боя сказал: «Ну, устроил ты мне кордебалет...» Дело было в семьдесят втором. Окончание вьетнамской войны. Тридцать с лишним лет прошло. Прозвище сохранилось.

– «Рапсодия». Я «Прыгун», – вместо майора отзывается сержант, возглавляющий четвёртую группу. – Проходы обширные. Сквозные. Все пять имеют выход и в соседнее ущелье. Там федеральная дорога с северной стороны не блокирована. Наши посты южнее, ближе к границе.

– Я «Рапсодия». Понял. Полное обследование... Закончите с картой, сообщай.

– Я «Прыгун». Задачу понял. Выполняю.

– Соединяться будем у тебя. Квадрат не покидай. «Танцор»! «Танцор»! Где пляшешь? Кордебалет молчит.

* * *

– Товарищ майор... – Младший сержант-десантник говорит шёпотом, но в пещере и шёпот звучит громким шелестом. Слова словно отталкиваются от стен и начинают вокруг вибрировать. Ощущение такое, что это не человеческая речь звучит, а летучие мыши над головой крыльями шлёпают.

– Что там? – поворачивается Кордебалет к боковому проходу.

– Посмотрите... Дверь.

Майор протискивается в узкую щель среди камней. Ничем не примечательная щель. Таких в пещере десятки, и каждую приходится осматривать, потому что неизвестно, что встретишь через два шага – упрёшься в глухую каменную стену или найдёшь проход в другую пещеру. Но дверей здесь пока не попадалось. Это первая! И её можно посчитать предвестником чего-то важного.

Дверь деревянная, сколоченная кое-как и явно не рукой даже самого неумелого плотника. Так вбивать гвозди может только тот, кто ничего не держал в руках, кроме автомата. Доски – сикось-накось, щели – палец пролезет. С одной и с другой стороны диагональные рёбра жёсткости никакой жёсткости не создают, и дверь попросту осела бы на камни пола, если бы не держал её большой навесной замок. Вместо косяков использованы два бревна, заклиненные между полом и потолком и никак не укреплённые.

Младший сержант посветил фонарём в щель. Ничего разобрать не возможно. Видно только каменисто-земляную стену в метре. Стена скошена в сторону и отчётливо показывает следы обработки – проход расширяли. Если есть проход, который расширяли, он, естественно, ведёт не в очередной тупик. Десантник попробовал фонарь направить в сторону. Доски мешают. Ничего не разобрать.

– Осторожно!

– Что, товарищ майор?

– Осторожно, говорю. Дверь может быть заминирована.

Майор показывает пальцем куда светить. Осматривает каждый участок двери. Щели дают возможность рассмотреть и часть внутренней стены. Проводов или растяжек найти не удаётся.

– Чисто... – говорит младший сержант.

– Погоди-ка... – Второй десантник поднимает автомат прикладом вперёд. Готовится размахнуться, насколько позволит узкий проход.

– Приклад разобьёшь... – останавливает его Кордебалет.

Беда с этими современными автоматами. Пластмассовым прикладом даже в лоб от души ударить рискованно. Что же о железяке говорить, которая крепче большинства лбов. Майор поднял камень, размахнулся и ударил по замку. Потом ударил ещё дважды. Бесполезно. А стрелять нельзя. Звук далеко разнесётся и из устья пещеры вылетит усиленный эхом.

– Ногой, – решает младший сержант и разводит руки, требуя освободить пространство.

Кордебалет с солдатом шагают в стороны. Десантник бьёт дважды. Дверь шатается – хлипкая, но не падает, пружинит.

– Узко здесь... – вздыхает десантник. – Если бы с разворота, я бы её вместе с косяками выбил.

– Я попробую, – говорит майор, жестом отстраняет младшего сержанта и останавливается против двери, занимает позицию.

Он поднимает расслабленную руку на уровень груди, несколько секунд примеривается, выбирая место, и резко, вместе с шумным выдохом, бьёт основанием ладони. Доска, к которой крепится металлическая скоба замка, вылетает.

Кордебалет распаивает дверь.

Младший сержант поводит лучом фонаря и шагает за дверь первым.

– Под ноги смотри, – предупредил Кордебалет. – «Растяжки» могут быть...

«Растяжек» не оказалось. Помещение предназначено не для гостей? Кордебалет пока сомневается.

За коротким, в шесть шагов, коридором – комнатка с многочисленными природными нишами. В высоту больше, чем в длину и ширину. Вдоль стен оружейные ящики. Несколько ящиков открыты.

– Проверяем арсенал, – командует майор.

– Автоматы и патроны...

– Гранатомёты и гранаты...

– Взрывчатка... Детонаторы...

– А это что?

– Ничего не трогать руками, – предупреждает Кордебалет.

Он ещё не видит опасности, но чувствует её.

– Свети сюда... Всеми фонарями.

Что-то происходит... Но – непонятно что. Видимой опасности нет. Но Кордебалет знает, что это чувство не приходит зря.

– Хитрый лис Азиз...

– Что? – не сразу соображает младший сержант.

– Автоматы в ящике старые. Это не арсенал. Кто видел в заводских ящиках автоматы без смазки? Какой смысл их складывать в заводские ящики?

Осмотр проводится внимательно. Следующий ящик. Тоже – внешне – бояться нечего. Дальше.

– Товарищ майор, вот это – что?

Кордебалет подходит. Пять одинаковых длинных ящиков поставлены один на другой. Открыт верхний. Рядом ящики вдвое короче, но со схожей маркировкой.

– Богато живёт полевой командир Азиз... – Майор протягивает руку, чтобы вытащить из ящика тяжёлую трубу, но замирает.

– Что это? – повторяет десантник, он с таким оружием не сталкивался.

– «Игла», российский аналог «стингера». Переносная зенитная ракетная установка. Не трогать... Посвети... Так... Теперь сюда...

Майор пальцами осторожно сгребает землю с каменного пола. В других местах голый камень. Здесь на полу – земля. Потолок тоже каменный. Насыпаться неоткуда. Значит, землю принесли с наружного склона. И вопрос возникает естественный – зачем? Пальцы обнажают шнур. «Растяжка» идёт из-под ящика с «иглами» к маленьким ящикам, где, по логике, должны храниться ракеты со стартовым ускорителем, входящие в комплект.

– Понятно...

Кордебалет возвращается к ящикам с «иглами». Склоняется.

– Вот здесь, спереди, должен быть компактный запросчик-ответчик «свой-чужой». Его невозможно просто так снять... Это муляжи...

Из кармашка разгрузки достаётся шнур.

– Быстро... Выйти из пещеры...

Майор дожидается, пока стихнут шаги десантников за спиной. И только после этого под хилым светом фонаря, осторожно, вымеряя каждое движение пальцев, делает ямку под натянутым шнуром «растяжки» и подводит туда конец собственного шнура. Затягивает петлю. И начинает шнур осторожно разматывать. Работа тонкая. Необходимо создать натяжение и при этом не потянуть за саму «растяжку».

Кордебалет не торопится. Знает, к чему может привести торопливость. Наконец, он у двери. Сначала саму дверь ставит на место, пальцами вгоняет в отверстие вырванные гвозди. Пальцы напрягаются до боли. Но майор справляется. И только после этого крепит к двери шнур. Вот теперь пусть люди хитрого лиса Азиза идут сюда. Они знают о ловушке внутри помещения. А их ждёт ловушка на несколько шагов раньше...

3

Телефонная трель... Доктор торжественно оттопыривает карман и достаёт оттуда трубку спутниковой связи с не меньшей ловкостью, чем фокусник в цирке вытаскивает из цилиндра за уши кролика. И сразу включает максимальную громкость, чтобы разговор был слышан всем.

– Я слушаю.

– Доктор?..

– Да. Привет, Стас...

– Вы меня искали? Мне сообщили, что были звонки из Москвы...

– Да... Искали... Сначала Александра звонила, потом мы... «Мобильник» не отвечал...

– Наверное, я был в самолёте. Только что прилетел. Басаргин на месте?

– Здесь... Совсем наш начальник от рук отбил. Он нынешнюю ночь провёл в «кутузке» и только что прибыл... Полковник Баранов посодействовал, и генерал Астахов расстарался...

– Хорошо. Подробности через зашифрованную связь. Слушай новые распоряжения. Работаете через ноутбук и спутниковый телефон. Городские и сотовые телефоны из оперативного пользования временно исключить. Я имею в виду, при связи со штаб-квартирой... Саня объяснит ситуацию. У тебя ноутбук с собой?

– Он у меня всегда с собой. Я даже в туалет, кажется, с ним хожу. И с трубкой спутниковой связи... С сегодняшнего утра...

– Подготовьте отчёт. Сделайте срочно, до вечера. С меня будут спрашивать. Завтра утром меня вызывает по этому вопросу генеральный директор.

– Хорошо. С Басаргиным говорить будешь?

Доктор протянул трубку Александру. Разговор по-прежнему слышно всем.

– Здравствуй, Саня... Что там с тобой произошло?

– Здравствуй. Меня вчера «повязали», как мелкого наркоторговца... Ладно бы, просто наркоторговца... А то ведь – мелкого... Обижают... И закрыли в «обезьянник», где я благополучно прокоротал ночь вместе с двумя бомжами и одним недоразвитым юным хулиганом.

– И как твоя наркоторговля? Прибыль приносит?

– Ментовская довольно грубая провокация. Санька не растерялась, срочно вызвала Доктора с Тобако. И даже со всей бригадой. Они успели славно потрудиться до моего освобождения. Подробности сообщу.

– Но – как завершилось? Всё нормально?

– Да. Сегодня приступаем к разработке адресов. По другому вопросу подключаем Мочилова.

– По какому?

– Новый вопрос возник в моё отсутствие. Ребята удачно разбираются. Но помощь Мочилова необходима.

– Хорошо. Жду с нетерпением подробностей. Наши спец, кажется, зацепились за переписку тех парней... Сейчас посмотрю, что удалось выудить, и через полчаса передам тебе шифровкой. Электронный адрес – шестой. Исходящие отрабатывайте по пятому.

– Понял. Жду. Доклад пошлю вечером, когда будут какие-то результаты поиска.

Костромин отключает трубку. Доктор оборачивается на вошедшего Ангела.

– Благодарю за заботу, – Ангел протягивает пустую чашку Александре, – но я привык пить кружками, как Доктор. Поэтому не откажусь от повторной дозы.

– Я сварю свежий... Натуральный... Растворимый мы пили в спешке.

Она с улыбкой выходит на кухню. Ангел поднимает глаза на Басаргина.

– Доктор говорит, ты плотно работал с Мочиловым?

– Было дело. И даже вместе с вашим генералом... Я имею в виду генерала ФСБ...

- С которым? У нас их много. Вернее, у них... Я так и не привык до конца...
- С Легкоступовым.
- Тогда я понял, что это за дело... А Мочиллов – не тот полковник, который гражданский самолёт использовал в качестве танка?
- Он самый. Нас с Пулатом и Легкоступова выручая... Только уже можно было обойтись без тарана ворот. Мы сами себя выручили¹⁹.
- Тогда я и о нём имею представление. Телефон знаешь?
- Конечно. – Ангел берёт в руку трубку спутниковой связи и набирает номер. Громкость никто не убрал. – О чём договариваться?
- Операция «Троянский конь». Он поймёт. Надо «сплавить» куда-то ментов.
- Алло! Юрий Петрович?
- Я слушаю.
- Ангелов беспокоит.
- Рад слышать тебя, Алексей Викторович. По делу или как? У меня сейчас забот полон рот...
- По делу... Операция «Троянский конь». Надо забрать от нас и спрятать куда-то троих хороших парней. Есть такая возможность?
- Если возникла необходимость, возможность найдём. Ты как в этом замешан?
- Мы с Пулатом работаем в команде Гагарина. – Ангел видит, как Александр показывает пальцем на себя. – А он в команде Басаргина.
- Понял. Нас, между прочим, мог бы предупредить... Хотя бы через куратора... А то пропал куда-то... Ладно, отношения потом будем выяснять. Высылаю машину. Говори координаты. Ангел называет адрес.
- Машина будет из Балашихи. Там сейчас Яблочкин сидит. Выпрошу его у Спиридонова. Генерал тоже имеет в операции свой интерес. Ждите.
- Если можно, быстрее...
- Доктор убрал трубку.
- Будь другом, отгони машину квартала на три... – просит Ангела Басаргин.
- Только после того, как выпью кофе. Мы с Сохатым десять часов летели над дорогой, и я просто засыпаю...
- Кофе готов, – Александра выходит с кухни с большим керамическим бокалом.
- Я попрошу прокатиться Пулата, – говорит Доктор. – А то он жалуется, что засиделся.

* * *

Пулат выходит из подъезда, привычно гордо подняв голову, покручивая на пальце ключи от милицейского «уазика». Осматривается, вдыхает запах талого снега и направляется к стоянке.

Пинать колёса автомобилей Виталия научил ещё в детстве сосед – сын шофёра. В те времена машин на улицах было не столько, сколько сейчас, и человек, сидящий за рулём, вызывал у мальчишек уважение. Уважение естественным образом распространялось и на сына шофёра. А тот, пользуясь родительским благословением, пинал колёса с профессиональным наслаждением. И позволял под хорошее настроение сделать то же самое лучшим друзьям.

¹⁹ Роман «Операция „Зомби“».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.